

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

ИНДЕЙСКИЙ
ТРОН

Ацтеки

Андрей Посняков

**Индийский трон, или
Крест против идола**

«СИЛК-ПРЕСС»

2010

Посняков А. А.

Индийский трон, или Крест против идола / А. А. Посняков —
«СИЛК-ПРЕСС», 2010 — (Ацтеки)

ISBN 978-5-4226-0053-3

Наш современник, когда-то возродившийся в теле юного ацтекского воина Асотля, через полтора года лет после смерти вновь обретает жизнь. На этот раз он – Куатемок, племянник великого императора ацтеков Моктекусомы, по всем законам единственный наследник трона. Однако, несмотря на молодость, принц Куатемок слишком умен и независим, влиятельные жрецы хотят от него избавиться и посадить на трон своего человека, послушную марионетку. А на дворе уже 1519 год. До императора ацтеков доходят слухи о появившихся на побережье бледнолицых людях, которых властолюбивые жрецы решили использовать в своих интересах. И только Куатемок хорошо знает, чем закончатся все эти интриги, ведь странные бледнолицые – конкистадоры, а их предводитель – Кортес! Очень и очень скоро великое царство ацтеков перестанет существовать, а его блестящая столица Теночтитлан превратится в груды развалин. И Куатемок начинает действовать – бороться за свою новую родину, за своих друзей, за свой народ. К тому же к нашему герою приходит любовь и свою избранницу ему тоже предстоит защищать.

ISBN 978-5-4226-0053-3

© Посняков А. А., 2010

© СИЛК-ПРЕСС, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2. Кто смеялся, а кто – нет. Теночтитлан	13
Глава 3. Свет мой, зеркальце, скажи!	20
Глава 4. Кто? Зачем? Почему?	29
Глава 5. Зовите меня просто...	36
Глава 6. Любезный друг	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Посняков

Индийский трон, или Крест против идола

Глава 1

Куатемок

Это вроде как сон, давний кошмар, такой эсупкий, он преследует меня ночами, а порой мучает и днем.

Жан-Мари Леклезю. «Золотая рыбка»

Чернота, неведение, не жизнь...

И вдруг – какие-то разговоры, чьи-то слова... Они донеслись издали, приглушенно-гулко, словно бы звучали в каком-нибудь подземелье... Наверное, это и было подземелье... Храм...

Храм...

Точно – храм!

Темные своды, горящие смолистые факелы, каменные идола жестоких богов... И круглые плиты с привязанными к ним молодыми людьми – полуголыми черноволосыми юношами... Зачем они здесь? Почему?

О боги! Эти плиты – жертвенники, а юноши – жертвы! Вот и жрецы с выбритыми висками, в заляпанных кровью накидках из человеческой кожи!

Господи, опять этот кошмар?

Что же, Кецалькоатль не победил? Все оказалось напрасным?

– О великий предок! – Упав на колени, красивый молодой человек в богатом, из перьев кецаля (кецаль одна из самых ярких птиц, хвостовые перья которой, синие и зелёные, достигают 35 сантиметром), плаще вытянул вперед руки. – О великий Асотль, услышь меня! Обращается к тебе Куатемок, внук великого платоани Ауисотля, племянник Моктекусомы... Этих пленников-тлашкаланцев, – молодой человек кивнул на жертвенники, – я дарю тебе. Прими их сердца и души, поверь, это были достойные воины и было очень непросто захватить их в плен.

Куатемок?

Это имя ничего не говорило Асотлю...

Когда-то Асотль был повелителем, строил Теночтитлан, издавал законы, правил... Приходилось и воевать. Он пытался, изо всех сил пытался очистить свое царство от крови, от мистических оргий, проводимых жрецами во славу жестоких богов. Тескатлипока, Уицилопочтли, Тлалок... Пожалуй, только Кецалькоатль – «Пернатый Змей» мог обходиться без человеческих жертв. И Асотль приказал заменить человеческие сердца цветами...

Борьба с влиятельными жрецами оказалась очень и очень непростой, правда, было на кого опереться – на молодых и верных друзей, на хитрого и коварного жреца Куэкальцина Четыре Пера, на Тла-Тла – юную служительницу богини порока и удовольствий, на Ситлаль, наконец, обожаемую супругу, Звездочку – именно так переводилось ее имя. Дочь Ачитомитля, правителя Колуакана, стала верной женой и неоценимым помощником Асотля во всех его начинаниях.

Ситлаль... Звездочка...

Нежность охватила все существо Асотля, и лишь громкие слова молящегося Куатемока снова вывели его из забытья...

– ...моего великого дядю, платоани Моктекусому...

Что-то здесь было не так!

Дрожащий свет факелов, запах сосновой смолы и запекшейся крови, жертвенники, жрецы... Все как обычно. Но все же, все же!

Жертвенники.

Ну да. Их здесь – раз, два, три... семь. Три плиты слева, три – справа, ко всем привязаны пленники, около каждого – нетерпеливо переминающиеся с ноги на ногу жрецы с обсидиановыми ножами. Ишь, ждут, сволочи.

Не перевелись. Так-то мешки выполняли его, великого Асотля, заветы!

Жертвенники – круглые, с резными узорами плиты. Три – слева, три – справа. Шестеро юношей... Шесть – не очень-то счастливое число, куда лучше было бы пять, семь или девять.

Семь. Семь плит – семь жертв. И одна – в центре – пустая! Непонятно, мало того – неправильно!

Четверо жрецов – отвратительных, пропахших человеческой кровью чудовищ – незаметно окружили молящегося. А тот их не замечал!

– ...И еще прошу тебя, великий предок...

Вот, наконец заметил! И рванулся в сторону, вернее, попытался...

Четверо жрецов накинулись на него, хватая за руки и за ноги, вот уже потащили к жертвеннику, распяли.

– Прими, великий Асотль, самую главную жертву! – Цинично усмехнувшись, один из жрецов – самый пакостный и безобразный – выхватил из-за пояса нож из вулканического стекла...

И тут же ударил. Но тот, что на жертвеннике, дернулся. И нож проскочил мимо сердца. Совсем непозволительный промах для жреца!

Правда, Асотль уже этого не видел. Он вдруг ощутил боль! Боль в левой стороне груди, как будто это его сейчас чуть не убили, его, а не этого парня...

Именно так! Его!

Ракурс сменился! Перед глазами Асотля возникли темные своды пещеры... И жрец... И нож... Снова приближающийся к сердцу.

Думать и рассуждать сейчас было некогда – Асотль рванулся изо всех сил, с удовольствием ощутив послушное молодое и сильное тело.

Ага! Одна из связывающих его веревок лопнула, освободив руку. К которой тут же рванулись жрецы.

Однако не на такого напали! Асотль вовсе не стал их дожидаться, заехав главному жрецу – самому безобразному – кулаком в ухо.

Хороший оказался удар, еще бы!

С коротким – даже, скорей, удивленным – стоном главный паскудник отлетел в сторону, уронив на жертвенную плиту нож, тут же подхваченный молодым человеком.

Удар!

Неосторожно приблизившийся жрец с воплем схватился за бою, второй за руку. Остальные попятились...

А несостоявшаяся жертва уже перерубила веревки, вырвалась.

– Воинов! – зло заверещал пришедший в себя главарь. – Зовите стражу!

Они уже бежали сюда, прыгая по узкой каменной лестнице, – четверо вооруженных копьями и деревянными мечами-макуавитлями воинов.

Асотль действовал быстро: перерезал пути ближайшего пленника, того, что слева... Тут же – того, что справа...

– Сражайтесь!

О, им не нужно было говорить!

Один из юношей сразу же бросился под ноги первому воину, второй – поднырнул под копьё... И вот уже в руках у него – меч! Надежный макуавитль со вставками из острейшего кремня. Такой наносит страшные раны. А уж режет веревки.

Вот уже освобожден и третий пленник, четвертый... шестой...

Асотль был сейчас сильно занят, отметив все происходящее лишь краем глаза, – схватился с копьеносцем.

Удар! Удар! Удар!

Обсидиановый нож против копья – не столь уж и равные силы.

Молодой человек проворно выкинул вперед руку – враг попятился, и Асотлю удалось ухватиться за древко копья. И сразу же – нанести удар головой в переносицу. Хороший удар!

Оставив копьё в руках своего более удачливого соперника, враг отлетел к жертвеннику и, споткнувшись о плиту, упал прямо к ногам идола, точнее, мумии... В которой совсем еще недавно и был Асотль. Нет. Которой и был Асотль, некогда великий правитель мешиков!

А теперь он – вот этот вот. Куатемок? Кто такой Куатемок? А бог его знает – не до того сейчас.

– Ну? – Ничуть не сомневаясь в своем праве командовать, Асотль оглядел освобожденных пленников. – Что встали? Ищите выход. Не тот, по которому убежали жрецы. Тут должен быть еще один... Или даже несколько.

– Вон там, за мумией, лестница, – указал копьем один из парней. – Но... – Он вдруг усмехнулся, оглядываясь на своих.

– Если вы теперь вдруг надумали принести в жертву меня, то я – против, – громко засмеялся Асотль. – Тем более у нас совсем нет времени. Надобно выбираться. Вперед! То есть назад, к лестнице!

Выбравшись наружу, они оказались в густом лесу. Корявые сосны, грабы, дубы и липы выглядели очень красиво, особенно на фоне фиолетово-красных скал. Горы... Точнее, нагорье. Асотль хмыкнул – родные, можно сказать, места.

А храм оказался не очень впечатляющим. Похоже, что почти заброшенный – ни широкой тропы, ни высокой пирамиды, только несколько статуй да узорчатые плиты. Впрочем, нет, за святилищем все же кто-то ухаживал – перед входом даже была устроена клумба. А за клумбой...

За клумбой расположился целый отряд воинов в пятнистых шкурах!

«Воины-ягуары»! Элитный отряд!

Асотль попятился...

– Куатемок! – Высокий воин в деревянном шлеме, отбросив в сторону богато украшенный разноцветными перьями щит, побежал к юноше, и поклонился. – А где жрецы? Ты ведь ушел с ними. Мы ждали, как ты и велел, а потом решили подняться к храму и подождать там, вернее, здесь... О, господин мой! – Выпрямившись, воин заметил пленников. – Ты не принес в жертву тлашкаланцев?

– Нет, – Асотль покачал головой. – Отныне эти юноши – наши друзья.

Странно, но воин ничего не возразил, лишь снова поклонился, будто так и надо. Может быть, этот Куатемок имел полное право приказывать? Похоже, что так.

– Жрецы оказались предателями, – негромко промолвил Асотль. – Едва меня не прикончили. Если бы не эти парни.

– Жрецы предали? – Воин хмыкнул. – Ты знаешь, мой господин, я ничуть не удивлен этому! То-то они все время между собой шептались, секретничали... Я тебе об этом докладывал, мой господин!

– Ты верный человек и получишь награду.

– Я служу не ради наград, а ради чести! Так что нам делать сейчас, мой господин?

Что делать сейчас?

Асотль задумался – хорошо было бы для начала узнать, а что вообще делали здесь все эти парни – элитные «воины-ягуары». Сопровождали Куатемока с какой-то важной миссией? Или еще что-нибудь.

– Для начала – перекусим, я думаю, мои новые друзья голодны. А затем... Наверное, нам давно уже пора возвращаться домой.

Услышав слово «домой», «ягуары» радостно закричали, утихомириваясь лишь под взглядом вождя – того самого высокого воина, что беседовал сейчас с Асотлем. Как его, интересно, звать? Спросить? О, нет – Куатемок уж наверняка это должен знать. Куатемок... Выходит, этот парень умер... Душа его отлетела, уступив место душе Асотля. Точно так же, как много-много лет тому назад на жертвеннике в тело индийского паренька Асотля вселилась душа... Перепелкина, так называемого «нового русского», владельца «заводов, газет, пароходов» – человека, как оказалось, очень одинокого и преданного своими лучшими друзьями.

Перепелкин-Асотль достиг у ацтеков многого. И вовсе не только потому, что оказался племянником вождя Теночка! Очень многое пришлось делать самому, добиваться всего того, за что... За что и столетия спустя люди уважали великого тлатоани Асотля. По крайней мере – судя по этому храму.

Эх, славные были времена! Времена, в которые Асотль вовсе не был одинок, не был одинок во всех смыслах, ведь ставший его первым помощником хитрый и коварный жрец Куэкальцин Четыре Пера оказался выходцем из двадцатого века – мало того, сотрудником спецслужб! Из двадцатого века была и Гла-Гла. И, как выяснилось, сам Великий Кецалькоатль, «Пернатый Змей» – один из самых почитаемых богов ацтеков... И не только ацтеков.

Куэкальцин, Гла-Гла, Звездочка. Где они теперь? И какой сейчас год? И почему он, Асотль-Перепелкин, – снова в чужом теле? Наверное, ведь неспроста это случилось... Бедняга Куатемок... А ведь предатели жрецы, похоже, все-таки добились своего – принесли его в жертву. Хотя бы даже так – виртуально.

– Господин...

Асотль-Куатемок обернулся, увидев подошедших к нему пленников, молодых парней, подростков, надо сказать, державшихся с большим достоинством. Сколько им было лет? По пятнадцать-семнадцать, наверное, вряд ли больше. Волосы уже отросли, длинные пряди на затылках, знак «молодняка» – пиочтли, срезаны, что разрешалось делать лишь после того, как молодой воин взял своего первого пленного.

Такой молодой воин назывался ияк. Но эти... Эти, судя по всему, были еще более опытными – текиа – «те, у кого есть доля добычи». Значит, уже захватили больше четырех пленных... Молодцы – для столь юного возраста очень даже неплохо.

– Мы хотим сказать тебе, господин... – Карие глаза пленника смотрели прямо и гордо. – Я и мои друзья, мы готовы вновь лечь на жертвенники. Мы помогли тебе – потому что то, что происходило в храме, было подло. И так же подло было бы нам сейчас убежать. Ты сам знаешь, вождь, Глашкала не примет нас обратно. Никто не примет ни пленников, ни беглецов. Как и ваш Теночтитлан не принял бы тебя, случись с тобою подобное. Ведь так?

– Так. – Асотль-Куатемок кивнул – парень был полностью прав, такие уж установились обычаи... Черт бы их все побрал!

– Как тебя зовут? – быстро спросил Асотль.

– Мое имя – Несауа, сын Кальпичтли. – Юноша гордо вскинул голову, волосы его, блестящие, длинные и, конечно, черные, имели даже какой-то медно-рыжеватый оттенок, черты лица были тонки и приятны. – Мой дядя – известный в Глашкале сановник. Как и отец.

Угу, «известный сановник». А не врешь ли ты, парень? Пошлет ли «известный сановник» своего сына в такое опасное предприятие? А ведь пошлет! По здешним правилам – обязательно пошлет.

– Так вы хотите умереть на жертвеннике? – задумчиво оглядывая пленников, медленно протянул Ас... Куатемок – пожалуй, Перепелкину пора было привыкать к новому имени. Он не удивлялся... Ничуть. Вот тот, первый раз – тогда было страшновато, ну а сейчас... В жизни и не такие чудеса случались.

– Да, на жертвеннике, – быстро, пожалуй, даже как-то слишком уж быстро подтвердил Несауа. – Великого тлатоани Асотля почитают и у нас в Тлашкале. Это почетная смерть.

– Что же вы не остались на жертвенниках? – не выдержав, хохотнул Куатемок.

Юноша сверкнул глазами:

– Мы всего лишь исправили подлость жрецов. Помогли...

– Вы славные парни, и очень жаль, что так торопитесь умереть.

Несауа на эти слова лишь опустил голову, а его спутники напряженно прислушались. Сказать по правде, не очень-то им и хотелось лишиться сердец... Просто другого выхода и в самом деле не было. Предназначенные в жертву, взятые в плен не могли вернуться в родные места, сразу же возникли бы вопросы: а почему вы здесь? Почему боги не приняли ваши души? Или вы сбежали, совершив святотатство? Отступники, тогда горе вам, горе и презрение вашим семьям!

Вот примерно так, насколько помнил Асотль-Куатемок, и должны были вести себя в Тлашкале по отношению к собственным же попавшим в плен – быть может, даже случайно – юношам, почти что детям. Вот именно так. И не только в Тлашкале – везде, от красно-фиолетовых скал Мексиканского нагорья до непроходимых болот Юкатана, и даже еще дальше. Везде! Так что пленники были правы.

– Вы помогли мне, да. – Куатемок мягко взял собеседника за руку. – И я вам очень благодарен за это, о, славный Несауа. И вот что скажу – хотел бы я иметь таких телохранителей, как вы! Таких, кому я бы мог безоговорочно доверять. И если бы вы только не отказались выполнить мою просьбу...

Ага! Услышав эти слова, парни явно повеселели. Куатемок видел это краем глаза и знал: юноши сейчас с волнением и надеждой ожидают ответа своего предводителя. Ну, конечно же, не показывают вида. Но ждут, ждут! Каков же он будет, этот ответ? Жизнь... жизнь предателей? Или почетная смерть? Такой смертью их родичи в Тлашкале будут, несомненно, довольны. А вот предательством...

Несауа решительно тряхнул головой и, не глядя на своих, громко выкрикнул:

– Нет!

– Ты меня не понял, друг мой, – властно перебил его Куатемок. – И сейчас невольно меня оскорбил!

– Оскорбил? – Несауа виновато – вот именно, виновато – захлопал глазами. – Клянусь всеми богами, я и в мыслях не имел...

– Ты оскорбил меня своим подозрением! – Молодой вождь ацтеков выставил вперед правую ногу. – Как мог ты даже подумать, что я смогу предложить стать предателями таким славным воинам, как вы все?!

– О, прости нас! – Несауа упал на колени. – Прости нас... И вели поскорей отвести к жертвеннику.

– Дался вам этот жертвенник! – в сердцах воскликнул Куатемок. – Можно подумать, моему великому предку, тлатоани Асотлю, так уж нужны ваши сердца!

– А что... Неужели не нужны?

– Они нужны мне! Вы нужны мне... Вы ведь видели... – Куатемок нарочно понизил голос, чтоб беседу не могли подслушать «воины-ягуары» – впрочем, те, кажется, и не вслушались, занятые бивуаком. – Вы видели, мои жрецы – предатели. Думаете, их мало? После того, что случилось, я просто не могу никому верить... А вот вам – могу! Вы – чужеземцы, никто в

Теночтитлане. Вы будете зависеть только от меня... Как и я – от вас! И клянусь... – Молодой человек торжественно поднял правую руку.

– Клянусь великим Кецалькоатлем, покровителем моим и моего рода, я никогда... Слышите, никогда не пошлю вас в бой с вашими соплеменниками-тлашкаланцами! Да, сейчас наши народы враги... Нет, не народы – правители. Но не всегда так будет – в этом я вам также клянусь. К тому же даже сейчас у нас есть много общих врагов... К чему я вам все это говорю? – Куатемок неожиданно улыбнулся. – К тому, что мне... Ну, в общем, вы поняли.

– Мы поняли. – Несау задумался, искоса поглядывая на своих. – В твоём предложении, великий вождь, и впрямь нет ничего зазорного. Но. Мы навсегда лишимся своих близких!

– Как если бы вы погибли на жертвеннике, как если бы вы вдруг стали бродягами... – Молодой вождь говорил теперь уверенно и быстро. – Что, есть другой выход? Нет. Так дай же мне свою руку, славный Несау! Ну?

Секунду поколебавшись, юноша протянул руку и улыбнулся, радостно и вместе с тем чуть смущенно, почти как ребенок.

– Ну, вот и хорошо. – Куатемок хлопнул его по плечу. – Теперь вы моя верная стража!

Он знал: больше ничего не нужно было делать. Этим молодым тлашкаланцам теперь можно было полностью доверять, ибо с этого момента любое их действие против него означало бы предательство – поступок бесчестный, на который пленники никогда бы не пошли.

А верные люди, верные воины, не связанные ни с кем, и в самом деле очень были нужны, что и показал недавний эпизод со жрецами. Это ж надо же – чуть было не принесли в жертву самого Куатемока...

Куатемок... Знать бы еще, кто ты такой, парень?

И этот отряд. Не каждому аристократу будут подчиняться элитные «воины-ягуары». Командир которых – тот самый дылда – ни словом не перечил, когда Куатемок распорядился судьбой пленных. Кстати, вот командира и расспросить...

Как вот только его зовут? Узнать бы...

В тени скалы, на берегу журчащего ручья воины разложили костер, и вкусный запах жаренного на вертеле пекари распространился до самого леса, вызывая обильное слюноотделение у «воинов-ягуаров» и пленников, теперь уже – бывших.

– Я послал воинов в погоню за предателями, – подойдя ближе к удобно расположившемуся на расстеленной под кроной сосны циновке молодому вождю, с поклоном доложил командир «ягуаров». – Боюсь только, что их здесь невозможно поймать – ты сам говорил об обширности подземелья... Может быть, стоит оставить засаду?

– Отставляй. – Махнув рукой, Куатемок улыбнулся. – И прошу тебя разделить со мной трапезу. Надеюсь, пекари так же вкусны, как храбры твои воины. Ну? Садись же, чего встал?

Сняв деревянный шлем, украшенный резьбой и драгоценными камнями, предводитель воинов осторожно уселся на землю напротив вождя.

– Э, нет, садись на циновку, рядом!

От оказанной чести воин покраснел, насколько вообще может покраснеть индеец, и без того краснокожий.

Еще бы узнать его имя, а то неудобно как-то. Да и порасспросить о цели похода и вообще...

Для того в общем-то Асотль его и позвал. Асотль, хм... Теперь уж – Куатемок, так лучше будет.

А вообще, чудны же дела твои, Господи!

– Ну, ешь, друг мой... И не молчи же, рассказывай!

– О чем ты хочешь спросить, мой господин?

– Обо всем! – Куатемок усмехнулся.

Он вообще-то хотел бы узнать, какой сейчас год. И не по индейскому календарю. Со всеми их 52-летними циклами, «кроликами» и прочей живностью. О нет – по числу лет от Рождества Христова!

Куатемок, тот, настоящий, пока еще не погибший, упомянул какого-то Моктекусому... Тот ли это правитель, которого писатель Хаггард в своем знаменитом романе именовал Монтесумой? Если тот... То скоро, уже очень скоро явятся из-за моря конкистадоры, принося с собой кровь, ужас и смерть! Великая цивилизация ацтеков перестанет существовать, погрузившись в хаос и мрак.

Асотль вовсе не хотел, чтобы такое случилось, ведь, кроме кровавых жертвоприношений, еще имелись и великолепные города, и искусства, и поэзия, и... И налаженная жизнь – для большинства, наверное, не такая уж и плохая. Вот только жрецы.

Неужели все последовавшие за ним тлатоани не выполнили завет? Или это жрецы гнули свою паскудную линию?

Жрецы.

Вот явятся конкистадоры, покажут вам кузькину мать... Впрочем, и не только вам. Сколько еще времени-то осталось? Сколько? Как узнать? Может быть, просто спросить? Вот, прямо сейчас...

– Белые люди? – Главный «ягуар» вскинул глаза. – Бородатые такие, как ушедший в изгнание Кецалькоатль?

Ого! Кецалькоатль, оказывается, отправился «в изгнание»... Понятно, почему теперь торжествуют кровавые ипостаси Тескатлипоки. Ладно, об этом после, пока же...

– Так, значит, никто о подобном не слышал?

– Нет. – «Ягуар» развел руками.

– Позволь мне сказать, – послышался голос сзади, оттуда, где располагался Несауа со своими людьми, – вооруженные копьями, они теперь гордо несли стражу.

Что не вызвало никакого удивления у «ягуаров», вероятно, имелись уже прецеденты.

– А ну-ка, ну-ка, говори. – Куатемок обернулся к парню и хотел было сказать: «присяживайся!» – да постеснялся сидевшего рядом воина. Не следовало раньше времени оказывать честь чужеземцу!

– Я сам не видел, но слышал от почтека, купцов... будто бы в южных лесах, на побережье страны Кампече и дальше, живут в племенах несколько белых и бородатых рабов. Правда это или нет – не знаю. Но так говорят.

Несауа улыбнулся и скромно отошел на несколько шагов назад, дабы не докучать трапезничающим своим видом.

Так Куатемок с «ягуаром» и сидели, кушали жареного пекари, так похожего на сочного поросёнка, с маисовыми лепешками и красным перцем... Пока откуда-то из-за скалы не появился молодой воин в шкуре ягуара. Подбежал, поклонился и, почти как по советскому уставу, попросил у «великого господина» разрешения доложить своему непосредственному начальнику.

– Посланцы из Теночтитлана, мой господин! Трое. Я никого из них не знаю.

Главный «ягуар» усмехнулся:

– Ты еще слишком молод, Тешлак, чтобы их знать. Веди! Я сам проверю. Господин. – Вскочив на ноги, он обернулся к собеседнику, точнее, к сотрапезнику. – Если это действительно посланцы, прикажешь привести их сюда?

– Ну да! – Куатемок с раздражением выплюнул едва не застрявшую в горле кость. – Конечно прикажу. Куда ж их еще девать-то?

– А если это не они... прикажешь бросить их в пропасть? Или лучше принести в жертву?

– Нет! – Молодой вождь отмахнулся. – Никаких жертв. Всех сюда. В любом случае.

Это оказались посланцы. Весьма колоритные личности – двое пожилых мужчин, по виду сановников, и один молодой жрец... Впрочем, тоже не очень-то молодой, явно лет за тридцать. Подтянутый, мускулистый, с выбритой по вискам прической жреца и недовольной, какой-то скособоченной физиономией объевшегося ядовитыми грибами висельника. Правда, одет аккуратно, слава богам, не в куртку из человеческой кожи, в узорчатый хлопчатобумажный плащ – черный, расшитый белыми человеческими черепами, – этакий «веселый Роджер».

Такие же плащи, только куда более яркие – желто-сине-красные, имелись и у сановников. Искусно украшенные разноцветными перьями и отороченные по подолу тоже цветным – точнее, выкрашенным – кроличьим мехом, который тут же навел Куатемока на смешные мысли по поводу «шанхайских барсов» и «мексиканских тушканов».

В общем, судя по одежде и сандалиям, не последние это были люди!

– Рады видеть тебя в добром здравии, славный Куатемок! – подойдя ближе, разом поклонились посланцы.

И улыбнулись. Сановники. А жрец – нет, тот скривился, как будто бы только что съел что-то кислое. Вернее, так – одна половина лица его улыбалась, вторая оставалась бесстрастной, ни один мускул не дрогнул. Ха! Ну конечно же, вероятно, еще в юности или даже в детстве жреца укусила пчела или какая-нибудь ядовитая муха – вот мускулы на половине лица и застыли, атрофировались, похоже, что навсегда. И физиономия с тех пор оставляла желать лучшего... хотя вообще-то жрец был из тех мужчин, что, несомненно, нравятся женщинам.

Гм... посланцы.

Как же с ними сейчас общаться-то? Судя по реакции главного «ягуара», эти люди явно были Куатемоку очень хорошо знакомы. Как и он им. В такой ситуации, конечно же, лучше всего было отделяться общими фразами... что Куатемок и делал.

– Как прошла охота? Не скажу, чтобы боги были особенно благосклонны, но так...

Сами видите... Тлашкаланцы? Нет, я раздумал приносить их в жертву. Нипочему! Просто раздумал – и все. Еще вопросы? Жрецы? А, вот как раз о жрецах я бы и хотел сказать... Свет еще не видывал подобных гнусных отродий, клянусь подбородком Тескатлипоки! Вы только представьте себе, что случилось... Нет! Это даже невозможно представить!

После этих слов Куатемок, не очень-то и разыгрывая возмущение, во всех подробностях пересказал посланцам случившуюся «позорную сцену» и посетовал на подлость жрецов.

Сановники переглянулись.

– Я всегда говорил, что некоторым служителям Тлалока не стоит особенно доверять, – вскользь заметил один. И тут же, покосившись на явно недовольного этим выпадом жреца, поспешно добавил: – Я сказал – некоторым, мой дорогой друг Шочипильцин! Некоторым. Что мы и видим на этом наглядном примере! Вне всяких сомнений, их следует поймать и казнить.

– О, да. – Шочипильцин – вот, оказывается, как звали жреца – желчно усмехнулся правой половиной рта.

– Однако мы не затем сюда явились, чтобы говорить о жрецах, – улыбнулся второй сановник, невысокий, с явным брюшком дядечка. – О, славный Куатемок! Твой дядя, великий тла-тоани Моктекусома Шокойоцин, желает в мудрости своей видеть тебя как можно быстрее!

– Как можно быстрее? – удивленно переспросил Куатемок. – А что такое случилось?

– Не знаем, увы, – развел руками сановник. – И никто пока не знает.

Глава 2. Кто смеялся, а кто – нет. Теночтитлан

Так чего же они спорят, мечут громы и молнии? И если уж хотят пускать пыль в глаза, то все-таки знали бы меру.

Франсуа Мориак. «Тереза Дескейру»

Показавшийся из-за скал город был настолько красив, что даже не поддавался описанию. Посланцы и Куатемок со своей новоявленной стражей плыли по большому озеру Тескоко в узорчатом каноэ, с удобством расположившись на разноцветных циновках под зеленым, с желто-золотой бахромой балдахинном, дававшим приятную прохладу в столь жаркий и солнечный день, какой как раз и выдался сегодня.

Ах, как сияло солнце! Отражавшиеся в синей воде озера лучи били прямо в глаза, так что, когда Куатемок оглядывался назад, на столичный пригород Койокан, от причалов которого они только что отплыли, городских строений даже не было видно – одно сверкающее солнечно-небесное марево.

Асотль-Куатемок ухмыльнулся, скрывая непреходящее восхищение, все более нарастающее по мере того, как волшебный город Теночка приближался, поднимаясь из сверкающих вод казавшегося бескрайним озера. Отряд «воинов-ягуаров», безнадежно отстав, шлепал пятками по идущей прямо по дамбе койоканской дороге – город находился на острове, частью даже искусственном, насыпном, связанном с сушей тремя дамбами. Мощные ворота, стены, деревянные мостики, которые в случае малейшей опасности можно было легко и быстро убрать, – все это произвело большое впечатление как на Куатемока, так и на его стражу: юные тлашкаланцы, судя по их лицам, никогда ранее не бывали в Теночтитлане.

Высоченную пирамиду с храмом богов – теокалли – видно было издалека. Хорошо хоть, не чувствовалось запаха крови. Впрочем, бог с ней, с пирамидой, и кроме нее в городе, казавшемся, да и бывшем огромным, было на что взглянуть. Вдоль улиц, прямых, широких и чистых, тянулись каналы, так что почти у каждого дома имелся свой собственный причал – индейцы не знали колеса, и лодки здесь были как нельзя кстати.

Чем ближе к центру, к императорскому дворцу и храмам, тем выше становились дома – в два, а иногда и в три этажа, что разрешалось лишь особо влиятельным чиновникам. Повсюду, насколько только хватало глаз, было много зелени и цветов – и во дворах, и в садах, и на специально разбитых клумбах, как вон на той, у городского фонтана, вокруг которого столпились молодые женщины с кувшинами – пришли за водой прямо сюда, а не к акведуку. Ишь, стоят, смеются. Одеты скромно, но со вкусом: обернутый вокруг бедер кусок разноцветной ткани – юбка-куэйтль, сверху – коротенькая туника-уипилли и бусы. Впрочем, многие, особенно те, кто покрасивей да помоложе, и вовсе обходились без верхней части наряда, ничуть не смущаясь выставлять напоказ грудь.

– Рот-то закрой, муха залетит! – смеясь, посоветовал Куатемок одному из воинов-тлашкаланцев.

Тот поспешно отвернулся, смущенно прикрыв глаза рукою.

Насколько мог судить Куатемок, лодка плыла к дворцу правителя. Вот обогнула храм, большую многолюдную площадь, за которой виднелись белоснежные здания Тлателолько, из города-соперника давно превратившегося в город-спутник, деловой центр столицы, именно там еще со времен Асотля располагался обширный – и самый главный – городской рынок. На котором торговали всем. Даже дерьмом – для удобрений. Вместо денег, насколько помнил Асотль, ходили костяные трубочки с золотым песком, перья кецаля, редкие раковины, какао-бобы и – для более солидных расчетов – отрезки тканей – куачтли.

Повсюду было огромное количество людей, и вовсе не бездельников – торговцев, покупателей, спешащих по делам судебных клерков: жители города, со времен пытавшегося выстроить правовое государство Асотля, отличались азартной страстью к сутяжничеству. По каналам деловито проплывали лодки-каное, большие – грузовые, и поменьше – рыбацкие, либо везущие какого-нибудь важного человека. В таких случаях кроме гребца-рулевого в лодке имелся еще слуга с опахалом.

– Да-а, красиво жить не запретишь! – с восхищением произнес Куатемок и, когда лодка ткнулась бортом в причал, прыжком выскочил на твердую землю.

Все прибывшие – жрец, сановники, охрана – тут же последовали за ним.

Правда, не совсем... Сановники и жрец по пути куда-то свернули, хорошо, хоть тот добродушный толстячок-чиновник все-таки обернулся, напомнив, что великий тлатоани Моктекусома Шокойоцин ждет всех особо приближенных пилли во втором часу дня, не позднее шестого звука трубы.

– Шестой звук трубы, – задумчиво повторил молодой человек. – Да-а... Здравствуйте, дорогие товарищи, – в Москве пятнадцать часов... В Ашхабаде – семнадцать. В Караганде – восемнадцать... в Петропавловске-Камчатском – полночь! Короче, полный бардак и анархия!

И сам же засмеялся себе под нос, тут же прикинув: как определить время? После шестого звука трубы. Вероятно, трубят с теокалли... да, с вершины пирамиды хорошо слышно. Ладно, наверное, все-таки время еще есть. Будем надеяться.

Однако куда же теперь идти? Если здесь дворец, точнее, дворцовый комплекс – вот он, то... По идее, тогда и он, Куатемок, должен жить где-нибудь тут, рядом... Он ведь все-таки родной племянник правителя... По здешним законам – наследник! Да, все правильно... Однако куда идти. Не спрашивать же у дворцовой стражи. У стражи – да, слишком уж подозрительно, а вот у слуг... во-он у тех, что потащили с большой только что причалившей лодки корзины с землей и цветами. Самому, конечно, не надо спрашивать. послать есть кого!

– Несаяа!

– Да, вождь?

– Не в службу, а в дружбу – идите пока ко мне в дом... Во-он, мимо лодок, дальше не будут объяснять – спросите, вон, у слуг...

– А...

– А я пока воздухом подышу... Вас нагоню... Скоро.

– Но...

– Я сказал – вы исполняйте!

Несаяа поспешно махнул рукой своим парням. Ушли... Ага, вот спросили дорогу у лодочника. Тот показал... Вот так! Кто хочешь – приходи, что хочешь – бери, никто не запрещает, наоборот, все с удовольствием покажут, где тут квартира, где деньги лежат.

Впрочем, пора, кажется, а то как бы за кустами не скрылись. Эй, эй, парни!

Куатемок нагнал свою стражу вовремя и следом за ней вошел в дом... Нет, сначала в обширный двор с благоухающим садом, казалось, сошедшим с каких-нибудь японских гравюр. Только что вошедшие тлашкаланцы толпились у самых ворот и смущенно тарасились на деловито подметавших двор полуголых служанок. Кроме служанок, тут еще были и слуги, и еще какие-то непонятные претенциозно одетые личности – то ли жрецы, то ли воины.

О! Наконец-то все эти бездельники узрели своего господина!

И тотчас же бросились к нему, на ходу славословя:

– О свет наших очей!

– Солнценосный ягуар!

– Вечно незатухающее светило!

Так-так... Куатемок ухмыльнулся – солнценосный ягуар, значит?

– Ну что, бездельники, опухли тут без меня?

Слуги и служанки без слов бухнулись на колени. Надо сказать – почтительно, но и без особого страха. Один ушлый толстяк в длинном плаще – скорее всего, мажордом или как он тут назывался – поднялся на ноги первым:

– О, мы так рады, так рады! Кечуак сказал: охота оказалась успешной.

Кечуак? Наверное, этот тот «воин-ягуар». Главный.

– Что, Кечуак уже явился?

– Да, господин. Только что. Прикажешь уже жарить дичь для вечернего пира?

«Жарить дичь для вечернего пира» – какие замечательные слова! Нет, ну право же, замечательные.

Куатемок сейчас чувствовал себя каким-нибудь тургеневско-лесковским помещиком, таким русским барином, вернувшимся с охоты и милостиво тискающим красивых крепостных девок. Некрасивых, впрочем, тоже... Кстати, о девках. Одна, та, что стояла у самой клумбы, выглядела очень даже ничего. Стройенькая, симпатичная, пусть даже и с маленькой грудью. Да и худая... Да-да, худая – но это в ней и нравилось.

– Что встали? – Толстяк-мажордом обернулся на слуг. – Ведите господина в дом – переодеваться к приему.

Ага... значит, тут уже обо всем знают. О том, что... ну, о приеме у царя-батюшки... сиречь – у тлатоани.

Комната как комната, вернее, небольшая зала. Полутемная, без окон – свет попадал через распахнутые двери, на которых не было никаких запоров, – с расписанными яркими и чрезвычайно красивыми картинами стенами, она, судя по этим картинам и наличию мебели – небольших деревянных стульчиков без ножек и низеньких резных столиков, – играла роль приемной. Такие стульчики, как помнил Куатемок еще из прошлой своей жизни, назывались икпалли, производились в городке Куатитлан и всегда составляли предмет хозяйской гордости и жгучей зависти соседей.

Вдоль стен располагались широкие плетеные сундуки для одежды и ширмы, позволяющие по мере надобности разгородить залу на несколько интимных уголков. Сквозь дверной проем виднелась примыкающая комната, тоже богато украшенная, с возвышением посередине в виде деревянной рамы с циновками, заменявшем богатым людям кровати (бедняки спали просто на полу).

С порога осмотрев обстановку, Куатемок нерешительно остановился.

– О, мой господин, – заглянул через плечо толстяк-мажордом. – Желаете, чтобы на переодевании присутствовали все? Или, как обычно, только служанки?

– Только служанки, – поспешно кивнул молодой человек, гадая: а будет ли среди них та, стройенькая? Впрочем, наверное, ее можно было бы просто позвать... только вот узнать имя.

О, они влетели целой стайкой, веселой, щебечущей, нарядной... Тут же притихшей перед всей важностью момента... Правда, иногда кое-кто подхихкивал, смеялся. Часть служанок тут же бросилась к сундукам, остальные расставили ширму, а две девушки в длинных расписных юбках притащили зеркало – большое, серебряное...

Куатемок только глянул – и ахнул! Там, в полумраке храма, он не смог рассмотреть все как следует, но вот здесь... На него смотрел Асотль! Не тот тридцатилетний тлатоани, успешный правитель и отец четверых детей, а молоденький юноша с приятным лицом и большими бархатно-карими глазами. Черты лица оказались очень знакомы. Асотль! Явный Асотль. впрочем, что в том удивительного, ведь Куатемок – его прапрапра... правнук.

Служанки между тем развязали его плащ – ацтеки не знали застежек, пуговиц или, там, фибул, – хотя Асотль их когда-то учил, но, как видно, с течением времени все забылось... как и более важное – учение о цветочных жертвах!

Мальчик! Как есть мальчик!

Куатемок не знал сейчас, радоваться ему или, наоборот, кручиниться. С одной стороны, конечно, хорошо, что он не оказался в теле какого-нибудь дряхлого старика, но с другой... Насколько он помнил, в ацтекском обществе даже дети знати не наследовали абсолютно все, а должны были своего положения добиваться.

Судя по прическе – темным, ниспадающим на плечи, локонам и отсутствия длинной пряди на затылке, – Куатемок уже кое-чего добился лично: взял одного или даже четырех пленников... Ой, ну конечно, взял – ведь кем же тогда были все эти тлашкаланцы, ныне составившие личную гвардию?

Да, кое-чего этот мальчик Куатемок все же достиг. Однако неверно было бы думать, что все сановники его уважали, скорее наоборот, именно из-за юности. И наверняка старались подчинить своему влиянию.

– Вот, господин!

Полуголые девушки, одна красивее другой, выстроились перед молодым человеком с предметами одежды в руках. Тут были и туники из тончайшего хлопка, и расшитые набедренные повязки – мацтлаль, и длинные передники, и что-то типа юбки, и, конечно, тильматли – разноцветные плащи с вышивкой и мозаикой из птичьих перьев. Ну, еще и золотые подвески, браслеты, ожерелья из драгоценных камней и прочее.

Надев длинный передник, Куатемок выбрал шиколли – рубашку с очень короткими рукавами, завязывающуюся на груди на ленточки; поверх рубашки служанки тут же набросили сразу три плаща – ярко-желтый, голубой и алый, все с какими-то геометрическими рисунками, очень и очень красивыми. Костюм дополнили сандалии на небольших каблуках и налобная повязка, украшенная мелким жемчугом.

Закончив переодевание, молодой человек посмотрелся в зеркало и чуть было не сплюнул: красивая кукла, какая-то расфуфыренная девочка, а не воин. Однако делать нечего: с этикетом не поспоришь, стало быть, именно в таком виде и нужно было идти.

Черт... А где же та девчонка? Нет ее здесь, что ли? А ведь точно – нет... И чем она могла запомниться? Ну стройненькая, так тут таких немало... Миленькая мордашка? Ну да, ну да, наверное, помилее, чем у вот этих вот, а что еще? Глаза? Точно – глаза! Сверкающие, словно звезды. Как у Ситлаль. У Звездочки...

Некстати вспомнив любимую, Куатемок немного взгрустнул и, махнув рукой, вышел из дому, тем более, что как раз прозвучал протяжный звук трубы – жрецы на теокалли отбивали время.

Куда идти, не спросил – просто бросил слугам:

– Ведите!

Те и повели чуть ли не под руки, а впереди, постоянно оглядываясь, шагал толстяк-мажордом, Куатемок знал уже, что зовут его Тлауикоатль – какой-то там «змей». На змея мажордом при всем желании не тянул, больше напоминал древесную лягушку.

Следом за слугами шла охрана во главе с Несауа.

Пройдя почти через весь сад, полный раскланивающегося с Куатемоком народа – важно одетых сановников и жрецов, мажордом остановился у широкой лестницы, охраняемой «воинами-орлами» в перьевых плащах, накинутых поверх хлопчатых панцирей, в высоких шлемах, увенчанных изображениями распростерших крылья орлов.

Очень красиво и весьма устрашающе, правда, не очень-то удобно в бою. Воины были вооружены короткими копьями и дубинами. Увидев Куатемока, подтянулись, оказывая почтение... Впрочем, не только ему одному – по лестнице уже поднимались люди в таких же разноцветных плащах. Здоровались. Куатемок тоже кивал в ответ.

– О, Куатемок, дружище, рад тебя видеть!

– Я тоже.

- Почему же ты не зашел ко мне тогда?
- Занят был. Но обязательно зайду в самое ближайшее время.
- Как прошла охота, Куатемок? Говорят, ты взял пленных?
- Да, взял. Они теперь – моя стража.
- Ты мудро поступил, Куатемок!

Издали, с плоской вершины теокалли, увенчанной храмами Тескатлипоки и Тлалока, снова донесся протяжный звук трубы. Все приглашенные на совет поспешили, прибавили шагу...

На дворцовой террасе, среди разноцветных клумб – желтых, лиловых, красных – недвижимыми статуями застыли «воины-орлы», в их круглые щиты были вплетены букеты.

Куатемок оглянулся назад, на дворцовый двор с великолепным садом, и едва сдержал восхищение – все окружающее напоминало ожившую волшебную сказку. Казалось, вот-вот явится какой-нибудь джинн...

Он и явился! Смуглокожий, с носом-крючком. Поклонился, приложив руку к левому плечу, звякнул золотой пекторалью:

- Господин ждет вас.

И все, пропустив Куатемока, – все-таки принц крови, как ни крути! – один за другим вошли в дворцовую залу.

Великий тлатоани Моктекусома Шокойоцин – смуглый человек лет пятидесяти, с узким красивым лицом и небольшой бородкой, облаченный в длинную алую тунику, – сидел на широком возвышении под балдахином из изумрудно-зеленых перьев кецаля. Плащ из таких же перьев – его дозволялось носить только правителю, – завязанный на плече, драпировал всю фигуру тлатоани, выражение лица которого было необычайно серьезным и значительным.

Значит, не на пьянку позвал!

Куатемок усмехнулся и, вежливо упав на одно колено, выказал все свое почтение. Остальные пали ниц... Впрочем, Моктекусома тут же велел им подняться, и все посетители, – а было их всего-то полтора десятка – послушно выстроились напротив тлатоани, у ширмы.

– Я пришел сообщить вам одну вещь, – причмокнув губами, негромко сказал тлатоани. – Вчера явились с докладом мои почтека... Они видели на побережье людей с белой кожей.

Все ахнули.

– Людей с белой кожей, – еще тише продолжил правитель. – И с бородами. Еще среди них были люди-чудовища, люди-звери на четырех ногах и с двумя головами!

Всадники на лошадях – догадался Куатемок.

Среди присутствующих пробежал глухой ропот.

Люди с белой кожей... И с бородами...

– Их предводитель именно таков – бледнолиц, бородат... И мечет огненные молнии!

– Кецалькоатль! – в ужасе произнес стоявший рядом с Куатемоком отвратительно пахнувший кровью жрец в синем плаще, украшенном мозаикой из вышитых человеческих черепов. – Это Кецалькоатль, он вернулся... Вернулся нам на горе и на погибель! Мы должны немедленно принести самые богатые жертвы!

Хорошее предложение! Прямо замечательное – ну как же без жертв?

– В храме великого Кецалькоатля все готово! – Жрец подбоченился – вислогубый, с горбатым носом и вытянутым, словно бы лошадиным лицом, испещренным многочисленными шрамами, он чем-то напоминал Кальтенбруннера, не настоящего, а того, что из фильма «Семнадцать мгновений весны». Как позднее оказалось, и звали его подходяще – Кецалькуэшликатль.

– Да-да, – милостиво – и даже с на миг промелькнувшим испугом – кивнул тлатоани. – Мы обязательно принесем богатые жертвы! Думаю, не только пленников, но и красивейших юношей и девушек из самых знатных семей.

Кальтенбруннер довольно осклабился, бросив вокруг воссиявший победным торжеством взгляд. Однако радовался он рано.

– О, великий тлатоани, – выступил вперед тучный мужчина самого грозного вида, в одной набедренной повязке и курке из человеческой кожи, снятой так аккуратно, что даже остались «перчатки» – кисти рук с пальцами, и ноги. – Я думаю, великого Тескатлипоку тоже не следует обижать! Надо принести жертвы ему!

Во молодец! – Куатемок тихо восхитился. Вот это правильно – тяни одеяло на себя, куй железо, не отходя от кассы!

– А Тлалок? – сварливо заметил еще один жрец – коротышка с выбритыми висками и одутловатым, каким-то бабьим лицом. – Как же Тлалок? Или вы все недостаточно почитаете великого бога? Не боитесь остаться без дождя?

Прямо классика: «А ну, кто против советской власти?» Интересное кино... Богов у ацтеков много, если каждый жрец начнет просить...

– Уицилопочтли! Так-то вы чтите своего покровителя!

– Тлалок!

– Кецалькоатль!

– Я рад вашим словам, жрецы. – Одним движением глаз Моктекусома прекратил едва не начавшийся спор. – Рад, что вы приняли все так близко к сердцу. Конечно же, мы не обидим никого из богов – мы принесем жертвы всем!

Жрецы приосанились, а Куатемок едва не рассмеялся: ну конечно же – всем. А что? Людишек хватит, чего их жалеть – бабы еще нарожают.

Ай да жрецы! Ай да правитель!

– Но, – между тем продолжал тлатоани, – я бы хотел знать точно, что это за бледнолицые люди?

– Надо следить за ними.

– Мы следим.

– Отправить посланцев! – высказался кто-то из военачальников. – Усыпить бдительность богатыми дарами, выведать все...

Молодец – вот это по-настоящему, молодец. Куатемок с уважением посмотрел на высокого мускулистого человека лет тридцати, с мощной, украшенной шрамами грудью и мужественным лицом Гойко Митича.

– Великий тлатоани! – Тут вперед выступил старый знакомый, тот самый жрец с перекошенным от укуса лицом. – Хочу напомнить, что в мастерских при храме Тлалока есть очень хорошие художники. Они могут зарисовать все!

Моктекусома кивнул. Дельное предложение.

Остальные жрецы завистливо скривились.

– А я вот что думаю, – снова произнес Кальтенбруннер. – Ты, великий тлатоани, хочешь знать наверняка, да и все мы хотим – что это за люди? Кто их вождь? Так вот что надобно сделать – в числе всех прочих даров послать предводителю бледнолицых два костюма, один – Кецалькоатля, из перьев и змеиных шкур, второй – Тескатлипоки, из человеческой кожи. Какие одежды наденет бородастый вождь? И все будет ясно.

– А если никаких не наденет? – не выдержав, перебил Куатемок.

Моктекусома осуждающе покачал головой, и все присутствующие посмотрели на юношу, словно на умалишенного. Поня-а-атно – всяк сверчок знай свой шесток. Мнения молодежи – пусть даже принцев – на этом сборище явно не учитывались.

– Твое предложение хорошо и разумно, Кецалькуэшликатль, – с чувством похвалил правитель. – Так мы и сделаем – пошлем костюмы.

– А может, лучше послать войско? – громко предложил Гойко Митич. – Ведь чужаков не так уж и много! Всего какая-то горстка, мы справимся с ними так, что.

– О, глупый Атонак! Ты что же, задумал воевать с богами?!

Жрецы издевательски засмеялись. Все, кроме, как ни странно, Шочипильцина, перекошенное лицо которого выражало лишь тихое презрение и грусть. Хотя, может быть, оно и ничего такого не выражало, просто Куатемоку так показалось. Но, по крайней мере, Шочипильцин не смеялся над словами военачальника, восприняв их вполне серьезно. Да и его идея с художниками тоже не казалась глупой. В отличие от костюмов. Что ж, он очень и очень не глуп, этот жрец Тлалока... Увы, не самый главный жрец этого храма, главный тянул на себя одеяло и громче всех кричал.

Впрочем, и все остальные жрецы не были такими дураками, как сейчас казалось, и Куатемок это прекрасно знал. Просто у жрецов имелись свои собственные интересы. Жертвы, кровь – власть. Нет, даже не совсем так: страх, жертвы, кровь – власть! Так будет вернее. Как заметил кто-то из марксистов, чем больше в стране горя, тем крепче религия. Именно так, вполне по-марксистски, и рассуждали сейчас жрецы, не понимая, куда толкают империю.

А может быть, им просто надоел тлатоани Моктекусома Шокойоцин? Может, они вообще хотели установить теократию?

Глава 3. Свет мой, зеркальце, скажи!

Начало XVI в. Теночтитлан

Большинство людей сближаются меж собой не по выбору, так же, как не выбирают своих соседей деревья...

Франсуа Мориак. «Клубок змей»

Начало шестнадцатого века! Именно так, кое-что вспомнив, Куатемок квалифицировал время. Не так и много, как выяснилось, он знал про конкисту. Ну, испанцы – в основном пока они, ну, шестнадцатый век... Перу, и вот – Мексика...

А ведь завоюют, черти полосатые, с такими советниками, как эти чертовы жрецы, – сжуют и не подавятся! Ведь кто такие ацтеки? По сути, народ, еще не отошедший от каменного века, с соответствующими представлениями и верованиями. Наивные дикари – не в обиду будет сказано! Да, свирепые, да, кровожадные – это если брать жрецов, но по-первобытному наивные, словно дети.

А ведь им противостоит банда циников и пройдох! Конкистадоры... Люди, умеющие только воевать, обожающие воевать, не желающие делать ничего иного! Испанский король наверняка перекрестился левой пяткой, спровадив подобный сброд из страны! Опасные, деструктивные люди. Опасные не только своими воинскими умениями, но и изощреннейшей хитростью, и коварством... и умением заставлять работать на себя все обстоятельства.

И что могли противопоставить этому ацтеки? Воинов – и тех не могли. Воевали-то как? Самое главное – не убить противника, не отразить натиск, а взять как можно больше пленных, чтобы потом принести их в жертву своим жестоким богам! Вот она – убийственная, вернее, самоубийственная тактика, которая уже совсем скоро принесет свои губительные плоды.

И еще – политика жрецов. Страх! Кецалькоатль, якобы вернувшийся с гневом... Предводитель конкистадоров Кортес – и есть Кецалькоатль! Так выходило... Верно заметили жрецы – только глупец будет воевать с богами. Побольше бы таких глупцов!

О боги, как плохо все! Глупое поведение жрецов, предрассудки, первобытный менталитет, плюс ко всему – враги, кругом враги: тлашкаланцы, отоми, пурепеча... О, всем этим смогут воспользоваться испанцы, ведомые неумной жадной золотом и войны! И ничего не сделаешь – он, Куатемок, сейчас практически никто. Ну, принц, да... Но не имеющий абсолютно никакого влияния – всем заправлял Моктекусома. Свалить его к черту? Так для всякого заговора нужно время, а его, времени-то, и нету совсем. Испанцы уже высадились!

Тогда что остается? Сидеть сложа руки, отдавшись воле богов? Дикарь так бы и поступил, но ведь Куатемок не дикарь. Надо искать, искать, на кого опереться, ведь пусть хоть немного времени и осталось, но, может быть, удастся организовать испанцам достойный отпор... Может быть? Ну нет – не те это слова, не те.

Нужно просто все для этого делать! И начать с подбора здравомыслящих людей... таких, как тот военачальник с лицом Гойко Митича, как, наконец, жрец Шочипильцин... Наверняка такие люди есть, и их достаточно много... Правда, они испорчены верой, значит, надо искать циников, тех, кто вообще ни во что не верит! Найдутся такие? Должны бы... Как вот только их найти?

– Тлауикоатль!

– Да, господин? – Толстяк мажордом проворно подбежал к пруду, освещенному последними лучами заходящего солнца: – Что прикажешь?

– Прикажу женщину!

– О, они знают и скоро явятся...

– Нет. – Куатемок раздраженно взмахнул рукой, подняв брызги. – Позови одну... Кого-нибудь... Вот хоть ту, тощую, с такими сверкающими глазами...

– А, ты, верно, имеешь в виду Тескаль, господин?

– Может быть. – Молодой человек нырнул... А когда вынырнул, пред ним уже стояла девушка... Та самая.

– Господин звал меня?

– Да, звал. Помоги мне одеться и проводи в дом.

– А господин не хочет ли...

– Пока нет. – Куатемок улыбнулся, заметив, как девушка буквально спала с лица. – Пока нет, а потом – кто знает?

Выбравшись из пруда, стеснительно отвернулся, заматывая на бедра мацтлаль, длинные концы которого волочились бахромой по тропинке сада.

Девушка покорно шла сзади... правда, на пороге остановилась:

– Мне позвать Айли и Никуа?

– Нет...

– Тогда я принесу еду! – Тескаль радостно всплеснула руками и, дождавшись кивка, убежала, сверкая босыми пятками.

Тескаль... Зеркальце... Надо же – когда-то у Асотля уже была знакомая с таким именем.

Испросив разрешения, в залу с поклоном вошел мажордом, сноровисто разжег в очаге огонь – хоть и началась весна, да ночи еще стояли прохладные. Переставив стол ближе к огню, пододвинул стульчик, циновки, ширму:

– Господин желает ужинать в одиночестве?

– Как это – в одиночестве? – Куатемок вскинул глаза.

– Ну, я не имел в виду Тескаль, – тут же поправился слуга. – Может быть, пригласить еще кого-нибудь? Айли, Никуа?

– Пожалуй... Пожалуй, начальника моей стражи.

– Я позову. – Поклонившись, мажордом вышел во двор.

Послышались голоса, и в дом вошел Несауа. Пригладив черные, с медным отливом волосы, молча поклонился.

– Хочу, чтобы ты отужинал сегодня со мной. – Куатемок приветливо указал на циновку.

Молодой воин уселся, поставив копьё в угол. Как раз в этот момент вошла Тескаль с большим золотым подносом, уставленным всякими яствами. Ой, как вкусно от них пахло!

Давно уже чувствовавший голод Куатемок нетерпеливо потер ладони:

– А ну-ка, ну-ка, Зеркальце, скажи-ка, что это ты нам принесла?

– Все твоя любимая еда, господин! – расставляя яства, улыбнулась девушка. – Тушеная рыба с красным перцем и помидорами, жаренные на углях тритоны с тыквенным соусом, собачки, запеченные в глине, дичь – вот зайцы, кролик, перепелки.

– Тескаль, душа моя, ты... – Куатемок задумчиво обзирал стол. – Ты вот что... Вот всех этих собачек, тритонов... ты их поставь во-он на тот край, ладно? А сюда, поближе, все остальное – рыбу, перепелок... это что?

– Картофель, мой господин!

– О! И картошку! Сама давай садись.

– Но, господин...

– Садись, не маячь, кому сказано?

Несауа – видно было – чувствовал себя не в своей тарелке, хотя и рад был оказанной чести, но вскоре ушел, испросив разрешения проверить посты.

Посты! Вообще-то на ночь тут ничего подобного не выставляли, однако Несауа все же был тлашкаланцем и находился, по его представлениям, во вражеском городе, именно так – во вражеском, ведь Тлашкала и Теночтитлан враждовали с давних времен.

Враждовали!

А хотелось, чтобы были союзниками.

Для того и был приглашен Несауа, Куатемок хотел постепенно приучить этого юношу к совместным вечерним трапезам, разговорить его – да и не только его, всех остальных тлашкаланцев тоже, – поподробней выспросить о семьях тлашкаланской знати, да и о вообще о жизни...

– Ты что смеешься, Зеркальце?

– Рада, что ты выбрал меня, господин!

Тескаль оделась к ужину как подобает – длинная узорчатая юбка, тоненькая зеленая, с красными цветами туника-уипилли – очень коротенькая, больше напоминавшая какой-нибудь топик. В пупке сверкала жемчужина... такая же, как и в ушах, и на шее. И так же сверкали глаза...

Куатемок притянул девушку к себе:

– Ты красивая, Зеркальце...

Рука его скользнула под юбку... Тескаль улыбнулась, стянула тунуку, и Куатемок нежно погладил ее грудь, небольшую, упругую, с твердыми, задорно стоящими сосками...

– Ах...

Ах, какая же ты нежная! Какая у тебя кожа... не кожа – шелк... И этот плоский животик... Ах... И горячие губы... и глаза... Как звезды!

– Откуда ты, Зеркальце? – Лежа на циновке, молодой принц погладил девушку по плечу.

– Из Мойотлана, – тихо ответила Тескаль. – У нас там и правда много москитов – кругом болота.

Мойотлан... Южный пригород – москитный берег...

– Как оказалась здесь?

– Три года назад после смерти родителей дядя продал меня за долги... Мне повезло – я осталась здесь, во дворце! А ведь могла бы угодить к жрецам какого-нибудь храма, и тогда...

Девушка зябко поежилась, и Куатемок обнял ее за плечи – что «тогда», было ясно без объяснений.

Жрецы... Жестокие божества, кровавые жертвы... Смерть, страх и ненависть! Что и говорить, плохие союзники в борьбе с могущественным внешним врагом!

– Хочу спросить тебя, Зеркальце...

– Спрашивай, мой господин.

– Ко мне приходят знакомые и друзья, ты знаешь... – Принц улыбнулся как можно более безмятежно. – А кто из них тебе больше нравится? Ты не думай, я просто так спрашиваю.

– Я понимаю... – Тескаль задумалась ненадолго, смешно наморщив лоб. – Ну, мне многие нравятся... например, Сиуатетепек, он такой веселый, забавный...

– Сиуатетепек веселый?

– Ну да! Ну этот, сын архитектора, совсем еще юный, ему, кажется, пятнадцать лет всего.

– А, вон ты о ком. Ну да, ну да – славный мальчик. А еще?

– Еще – толстяк Шиутек... Ой. – Девушка вдруг осеклась. – Извини, что я его так называю, но он ведь и в самом деле толстый... И тоже веселый. Он и вправду так богат, как про него болтают?

– Богат? О да, да, конечно.

– Еще бы... племянник старосты-почтека!

– Он и сам славный купец.

– Я думаю...

Так вот, болтая вроде бы ни о чем, Куатемок исподволь узнавал про своих знакомых. Как оказалось, друзей-то у него особых не было, если не считать нескольких парней из кальмекак –

военно-аристократической школы, да вот еще Сиуатетепека, сына дворцового архитектора и немного художника, ну и молодого и удачливого купца Шиутека. Остальные были так, просто знакомые, являвшиеся лишь по праздникам – засвидетельствовать почтение.

– А кто тебе не нравится, Зеркальце? – Куатемок сменил тактику. – Кого бы ты не хотела здесь вообще видеть никогда? Ну-ну, смелее! Я знаю – такие есть.

– Да есть. – Девушка хмыкнула. – И ты сам их знаешь, мой господин. Уж конечно же, я говорю о Шочипильцине, жреце! Одна физиономия чего стоит – вот уж поистине, наказали боги.

– А по-моему, Шочипильцин весьма привлекательный мужчина.

– Не во внешности дело, мой господин. Он какой-то скользкий, брр...

– Как это – скользкий? – Куатемок взял собеседницу за руку.

– Как рыба, – тихо отозвалась та. – Как-то раз зажал меня во дворе... Все про тебя выпрашивал. Куда ты ходишь, да что любишь, да... ммм... Обещал покровительство!

– Вот как! – Принц сжал губы.

В общем-то от Шочипильцина можно было чего-то подобного ожидать, он явно решил использовать неопытного молодого вождя в каких-то своих целях. Знать бы еще – в каких? Впрочем, догадаться нетрудно – все старо как мир! Второй секретарь обкома хочет стать первым, а жрец на подхвате – главным жрецом. Что тут непонятного? Хотя у Шочипильцина, похоже, и так достаточно влияния – иных не приглашают на совет к тлатоани.

– Так, говоришь, Шочипильцин предлагал тебе покровительство?

– Да, мой господин, так. Но я отказалась... правда, и он не настаивал. Просто попросил подумать.

– Вот ты и подумай. – Куатемок ласково погладил девушку по волосам. – Подумай... и согласишься, как предложит.

– Согласиться?!

– Ну да. Будешь докладывать ему то, что я скажу, – поняла?

– Поняла. – Тескаль улыбнулась. – Не сомневайся, мой господин, все сделаю так, как ты велишь!

– Ну, вот и славно... А теперь иди сюда... Какая у тебя нежная кожа!

Плотный туман охватил озеро Тескоко, стлался по берегам непроницаемой дымкой, поднимался, густым киселем заполняя в город, так, что в двух шагах уже не было видно ни зги.

Не было видно...

Но кому-то это все было на руку, кто-то пробирался в тумане невидимой тенью, пробирался между лодок к причалу... Вот осторожно спустился к воде, нырнул... поплыл, раздвигая плечом водную гладь. Как он ориентировался? Бог весть... но плыл он прочь от дворца Куатемока.

Ага! Медный звон колокольчика указывал ему путь! На этот звон и двигался пловец, неслышно загребая руками. На выходе из канала в озеро его поджидала лодка, в которой сидели двое с лицами, невидимыми в тумане. Один звонил в колокольчик, второй держал наготове весло. Нет, скорей что-то похожее.

Цзинь-цзинь... Цзинь-цзинь. Цзинь.

– Уфф! Еле вас нашел.

– Рады видеть тебя, Шаитль...

Чуть качнулась лодка. Тот, второй, держал в руках вовсе не весло – дубину! Которой и треснул изо всех сил по мокрой голове пловца! Тот лишь слабо застонал и камнем пошел ко дну.

– Да будет милостива к нему Чальчиуитликуэ, богиня озерных вод, – набожно пробормотал тот, что звонил в колокольчик. Колокольчик этот, кстати, отправился туда же, в воду, следом за несчастным пловцом.

– Да. – Убрав дубину, второй взял в руки весло. – Озерная богиня будет довольна... А наш хозяин – тем более! Поплыли, скорее доложим ему.

– Стой, брат! – Не успел мужчина – нет, скорей молодой парень – сделать несколько гребков, как его остановил напарник. – О чем же мы будем докладывать?

– О том, что все прошло успешно.

– Что прошло? Бедняга Шаитль нам ведь ничего не сказал... Не успел. Ты поторопился с дубиной, брат... Явно поторопился.

– Но... – Зачерпнув ладонью воду, гребец ополоснул лицо, широкое, с плоским носом и узенькими, словно щелки, глазами. – Что же нам теперь делать, брат?

– Не знаю. Думаю, что хозяин будет нами не очень доволен. И дернуло же тебя сразу ударить!

– Да уж больно момент был удобный.

– Удобный... – сложив губы трубочкой, передразнил напарник, явно постарше незадачливого гребца лет на пять, а то и поболее, с лицом обычным до полной незапоминаемости. – Как бы тебе за это удобство не оказаться на жертвеннике... И мне заодно с тобой. Кстати, Шоитлю следовало бы распороть брюхо – так ведь он не утонет, всплывет... Хотя мало ли утопленников бывает в озере Тесоко? Одним меньше, одним больше – какая разница? – Говоривший цинично хохотнул и, неожиданно подмигнув гребцу, приказал: – А ну, хватай весло. Плыдем во дворец.

– Но нас же...

– Не бойся! Мы просто постоим рядом с главным каналом... послушаем сплетни. Не может быть, чтоб никто ничего не сказал!

Куатемок видел прекрасный и очень ностальгический сон. Будто бы он сидел у себя дома, в Санкт-Петербурге, в навороченной своей квартире, сидел прямо на полу, на ковре, вытянув обутые в сандалии ноги. Рядом примостилась эффектная блондинка Леночка, полуголая, в одних узеньких трусиках, еще совсем не предательница, а существо в общем, можно сказать, любимое в какой-то мере.

Леночка ластилась, словно кошка, и Куатемок-Асотль-Перепелкин расслабленно гладил ее по голове и смотрел по телевизору фильм «Серенада солнечной долины», с удивительно теплой музыкой незабвенного Гленна Миллера. Что поделать, джаз Перепелкин любил... Любил и фильм... незаметно сменившийся какой-то пакостью – какими-то жуткими рептилиями, динозаврами, змеями...

А Леночка вскочила и, как есть, в трусиках, выскочила на балкон, закричала:

– Помогите! Змеи кругом, змеи...

И кто-то третий осторожно тронул Перепелкина за плечо.

– А? Что? Что такое?

– Мы только что убили во дворце змею, господин!

Змею? Господи... что ж такое делается-то?

– А, это ты, мой верный Несауа! Твои воины, что же, не спят по ночам?

– Мы спим дома, мой господин. Но отнюдь не здесь!

– Ты, кажется, говорил о змее? – Куатемок уже окончательно проснулся и сел на заменявшее кровать возвышение. – Что за змея? Откуда?

– Болотная гадюка, – с отвращением произнес воин. – Едва не укусила одного из моих парней. Кто-то подбросил её, и если бы не стража...

– Да. – Куатемок благодарно кивнул. – Нам всем просто повезло, что твои воины не спят ночью.

– Мы – твоя стража, мой господин. Мы дали слово. Спи спокойно, господин. Просто я подумал: ты должен узнать. Прикажешь прочесать сад?

– Прикажу... Только тихо. Не разбудите соседей – сановников и дворцовых слуг. Да! Куда вы дели змею?

– Убили и выбросили, господин. – Несауа удивленно обернулся в дверях. – А что же еще с нею делать?

– Да, верно, верно...

Стражники никого не отыскали ни в саду, ни у причала – лишь в отдалении, в тумане, покачивались темные тени лодок. Впрочем, туман быстро рассеивался, наступало утро. Уже повсюду слышались голоса слуг, рыбаков, чиновников – в столице вставали рано. Куатемок тоже не стал больше ложиться, хотя и чувствовал себя невыспавшимся.

Змея... Однако... и кто бы это мог на него покушаться? Тем более – таким странным и не очень-то надежным образом. Змея – тварь безмозглая и обычно кусает первых попавшихся... А чаще всего вообще никого не кусает, предпочитая спастись бегством, – все рассказы об агрессивности змей сильно преувеличены.

Тогда – зачем? Напугать? Скорее всего – да.

А если бы все же укусила? Черт побери... Не знаешь теперь, что и думать.

Ладно, очень может быть, что неведомый «подсылатель змеи» вскорости хоть как-нибудь себя проявит – иначе зачем все? Правда, это если считать его умным, а ведь может такое быть, что он – очень даже дурак, и это покушение следует считать настоящим. Так тоже очень часто бывает, люди вообще склонны демонизировать своих врагов, даже неведомых... пока неведомых. Приписывать им исключительную хитрость и изощреннейшее коварство, а потом на поверку выходит – нет ничего подобного и не было никогда, а враги – примитивнейшие идиоты, дураки дураками!

– Что там такое? – Услышав громкие голоса, Куатемок прошел по двору к причалу.

– Рыбаки, мой господин. – Болтавший ногами в воде толстяк мажордом при виде хозяина резво вскочил и поклонился. – Случайно зацепили нашу лодку... Извиняются.

Куатемок и сам уже увидел кланяющихся парней – один помоложе, здоровенный такой бугай с красным плоским лицом и глазами-щелочками, второй чуть постарше, неприметный...

– А что наши лодки?

– Да женщины там, собрались с лодочниками на рынок... Обсуждают тот случай. О боги, ну надо же так – змея! – Мажордом передернул плечами. – Вообще-то эти твари иногда заползают в город... Но их же сразу кто-нибудь убьет да приготовит на ужин!

Принц лишь хохотнул:

– Жаль, мы не приготовили.

Лодочники уплыли, и свои, и чужие, рыбаки, – зачинался день, солнечный и светлый. Яркие золотисто-оранжевые лучи быстро растопили туман, грязные ошметки которого на глазах оползали в воду.

Все утро после легкого завтрака Куатемок провел дома – никто его никуда не звал, и еще нужно было догадаться, сообразить, чем обычно занимался принц в это время.

Наверное, какими-нибудь делами. Учился в кальмекак? Кстати, надо будет осторожненько разузнать, где именно расположена эта школа и как выглядят учителя-пипильтины, иначе не узнаешь, не поздоровается, так пойдут слухи – заносчивый! А кому такие слухи выгодны? Да тем, кто подбросил змею!

Принц в задумчивости сидел в саду, в изысканно украшенной прихотливым узором беседке близ искусственно проложенного ручья, наблюдая, как суетились в отдалении занятые

всякими домашними делами служанки и слуги, пару раз заметил и Тескаль, девушка что-то тащила на кухню – какое-то блюдо... с орехами, что ли...

Нет, все-таки она красивая... Особенно в сравнении с другими – те почему-то казались юноше толстыми... Действительно, просто казались. А вообще, кто все эти девушки? Только ли служанки? Конечно же, нет – еще и наложницы, по крайней мере стать таковой почет за великое счастье любая из них... как вот Зеркальце... Свет мой, Зеркальце, скажи...

– К вам Сиуатетепек, мой господин! – неслышно возникнув, доложил мажордом. – Велите принести патолли?

Патолли? Кажется, именно так назывались игральные кости, точнее, даже игра типа шашек или шахмат – Асотль раньше особо-то в нее не игрывал, а Куатемок, значит, вполне... уже с утра пораньше. С этим бездельником Сиуатетепеком... Кстати, это не он там идет? А некому больше!

– Рад тебя видеть светлым, как солнце! – подойдя, поклонился парнишка.

Такой, как и описывала Тескаль: лет пятнадцати, в сандалиях, синем щегольском плаще и узкой набедренной повязке с длинными, болтающимися по земле концами. Сын дворцового архитектора и типа художник? Так-так, посмотрим...

– А, Сиуатетепек, дружище! – Куатемок широко улыбнулся. – Ну, заходи, заходи, чем порадуешь?

– Чем обычно. – Парнишка повел плечом и лукаво ухмыльнулся. – Сегодня мой ход – первый, надеюсь, ты помнишь?

– На что играем? – быстро расставил фишки принц. – Только не говори, что на куачтли.

– Не скажу. – Гость задумчиво выпятил нижнюю губу и, сделав первый ход, спросил: – А правда, что тлатоани хочет запретить патолли?

– Не слышал, – почесав затылок, буркнул Куатемок. – Ты от ответа-то не увиливай. Так на что играем?

– На желание! – тут же нашелся подросток. – Если я выиграю – возьмешь меня с собой в поход.

– Тебя?! – Отвлечшись от игры, молодой человек скептически осмотрел хрупкую фигурку приятеля. – И ты способен взять в плен сильного взрослого воина?

Сиуатетепек, ничуть не обижаясь, хмыкнул:

– Ну, пока, может, и нет. Но ведь время идет, все меняется... А я – не из последних учеников!

– Я знаю... Ходи, что застыл, словно идол?

– Хожу... Вот так! – Юноша радостно передвинул фишки. – Так! Так! И так!

– Н-да-а-а... – Куатемок снова задумался – уж больно здорово напарник играл, прямо, можно сказать, феерично – этаким юным Гарри Каспаров. – Так, значит, в поход?

– Ну да... В первый же, в который тебя пошлет тлатоани. Скажу, не хвастаясь, я неплохой художник – не забудь!

– Да не забуду... Боюсь, что я в этом смысле годен только растирать краски... Ой! Да ты, кажется, выиграл, парень!

– Не кажется, а точно выиграл! – Приосанившись, Сиуатетепек обхватил себя руками за плечи. – Теперь уж исполнишь мое желание – договор!

– Подожди, – хмуро оборвал его Куатемок. – Давай еще разок.

– Как скажешь, мой господин, как скажешь...

Принц вдруг усмехнулся:

– Скажу кое-что другое, друг мой. У тебя слишком уж длинное имя... Сиуатетепек – ну что это, без стакана не выговоришь!

– Без чего?

– Трудно, говорю, не сбиться... Буду звать тебя проще – Тепа!

– Хм... Тепа... – Парнишка, кажется, обиделся. – А раньше всегда звал – Сиуа!
– Сиуа? Ах да, ладно, пусть так... Ходи, Сиуа!

Куатемок проиграл еще четыре партии и одну, как ни странно, выиграл. Солнце уже стояло высоко, и довольно улыбающийся гость начал прощаться... Ушел, едва не столкнувшись в саду с быстроногим воином в вышитой золотом повязке на лбу – гонцом великого тлатоани.

– Великий правитель хочет видеть тебя, славный Куатемок! – Поклонившись, гонец приложил руку к сердцу. – Иди же скорее за мной, великий тлатоани не любит ждать.

– Хорошо, хорошо, только переоденусь.

Не подзывая любопытных слуг, молодой человек вошел в дом и, наугад выхватив из сундуков три плаща, один за другим набросил их на плечи, таким образом приведя себя в очень приличный вид, так что не стыдно было явиться к правителю.

Великий тлатоани Моктекусома Шокойоцин принял племянника в саду, сидя на широком стуле без ножек, с высокой, выше головы, спинкой, украшенной изображениями богов.

Войдя, Куатемок поклонился:

– Ты звал меня, о великий?

– Садись. – Моктекусома кивнул на циновку. – Наша беседа будет тайной – потому мы и говорим здесь, под деревьями, среди пения птиц.

– Я слушаю тебя, мой господин. – Юноша почтительно наклонил голову.

– Завтра с утра, рано, еще до восхода солнца, ты отправишься в дальний путь с караваном почтека. Не под своим именем – тоже как будто купец. Ты меня понял?

– Да, государь. Но позволь возразить!

Тлатоани недовольно вскинул брови:

– Возразить? Что ж, попробуй!

– Купцы-почтека – замкнутый круг, в котором все друг друга знают, – быстро произнес молодой человек. – И как там буду выглядеть я? А вдруг кто-то из купцов или приказчиков не сумеет сохранить тайну? Лучше бы мне явиться под видом... Скажем, чиновника или писца – как бы с учетом.

– Хорошо, пусть будет писец. – Правитель чмокнул губами. – Не в этом дело. Вместе с почтека ты отправишься на берег Восточного моря – караван повезет мои дары таинственным белым людям. Ты будешь на них смотреть! Смотреть, не смыкая глаз, а потом обо всем доложишь. Ты, мой племянник, а не почтека отныне – мои глаза и уши!

Быстро встав, Куатемок поклонился: полученное задание оказалось почетным и очень важным. Правда... Если рассуждать здраво, зачем было посылать столь неопытного человека – совсем еще молодого юношу? Интриги? Или молодой Куатемок известен здесь своим умом и находчивостью? Скорее – интриги... Ладно.

– Я могу взять с собой своих людей, повелитель?

– Можешь. Но только тех, кого не знают почтека.

– Я возьму воинов под видом слуг... И еще... Нам понадобятся художники.

Моктекусома милостиво кивнул:

– Да, я уже думал об этом.

– Есть у меня на примете один... Очень хороший...

– Что ж, возьми. Иди собирайся, мой дражайший племянник, – уже очень скоро ты отправишься в путь. И вот еще, самое главное... Ты должен остаться там... с ними. Как угодно. И докладывать мне обо всем через верных людей.

Принц улыбнулся:

– Я понял тебя, государь. Я выполню. Я стану для них своим, и ты будешь знать все!

Вот так тайна! – качая головой, рассуждал Куатемок на ходу.

Тоже еще, секрет полишинеля – тайная экспедиция, о которой знает каждый мальчишка! Сиуа ведь не зря напрашивался! Правда, он не «каждый», а сын дворцового архитектора. Но тем не менее...

Первая, кто встретил его дома, еще в саду, была Тескаль, Зеркальце. Завидев молодого господина, девушка бросилась в пыль:

– О свет солнца, позволь просить тебя!

– Да ты встань, не валяйся. – Юноша недовольно отошел в тень. – Говори прямо: что надо-то?

– Возьми меня с собой, господин!

Ого-го... Так-то здесь хранятся секреты великого тлатоани!

Куатемок взял девушку за руку:

– Свет мой, Зеркальце, скажи... Откуда ты это знаешь? Ну, о моем отъезде...

– Это все знают. Нам рассказал Ишчилитль, гонец.

– Ишчилитль-гонец?

Да-а... вот уж поистине: болтун – находка для шпиона!

– Так ты возьмешь меня с собой, мой господин?

Задумчиво почесав подбородок, принц махнул рукой:

– А, ладно. Куда тебя девать? Собирайся.

Глава 4. Кто? Зачем? Почему?

Начало XVI в. Окрестности Тлашкалы

Он надеялся, что утренняя свежесть всколыхнет в нем кровь, но принужден был остановиться...

Франсуа Мориак. «Пустыня любви»

Белые стены Тлашкалы были хорошо видны с перевала. Многочисленные храмы, дворцы знати и касиков, хижины масеуалли утопали в зелени, так же как в Теночтитлане, правда, воздух здесь был куда более разреженный и сухой.

Караван не заходил в город, но вся земля вокруг принадлежала тлашкаланцам, давним врагам ацтеков, это была их страна, меж горных вершин которой и пробиралось посольство... Нет, торговый караван почтенных купцов, идущий из Чолулы в Халапу.

Именно так главный почтека – солидный господин с круглым добродушным лицом по имени Иштлак – и отчитывался перед тлашкаланской стражей... которой было сполна уплачено за проезд, точнее говоря, проход, ведь никаких вьючных животных у индейцев не было, все приходилось тащить носильщикам, в большинстве своем – наемным прислужникам, а не рабам, рабов обычно ждала иная участь.

Тлашкаланцы не стали чинить каравану никаких препятствий, может быть, потому, что жители Чолулы не были их врагами, а скорее всего – благодаря сумме выплаченной дани: по украшенному перьями изысканному плащу как раз досталось каждому воину, а их предводителю – даже три.

Далеко позади остался величественный вулкан Попокатепетль, впереди же поднималась новая гора – Наукампатепетль, не доходя до которой и решили останавливаться на привал – в горах быстро темнело.

Небольшая долина, поросшая молодыми дубками, липами и пихтами, узким языком вытянулась к вулкану, все здесь – и эта долина, и небольшой ручей, впадавший в более широкую реку, принадлежало Тлашкале, и Куатемок украдкой наблюдал, как у его стражников, а он взял с собой всех, при виде родных мест наворачивались на глаза слезы. Пусть эти молодые люди были воинами, но все же...

– Не переживай, славный Несауа, я помню свое обещание, – на одном из перевалов украдкой шепнул Куатемок. – И никогда не пошлю вас в бой против ваших братьев.

– Мы и не сомневаемся, вождь! – с достоинством отозвался воин. – Только, если это возможно, хотели бы принести жертвы нашим богам – свою кровь, не более.

– Хорошо. – Принц улыбнулся. – Вы сделаете это. Более того, я могу разрешить вам навестить ваших близких... Не всем, не в городе. Ты, кажется, говорил, что часть твоих воинов родом из деревень?

– Да, есть такие... – Несауа с волнением посмотрел на своего господина. – Ты и в самом деле хочешь им разрешить...

– Клянусь всеми богами! Правда, нужно будет поторопиться, чтобы к утру быть здесь. Надеюсь, твои воины знают здесь все горные тропы?

– О, еще бы! – В карих глазах юноши сверкнули гордость и надежда. – Благодарю тебя, вождь. Так я могу сказать им?

– Да. Ведь это же твои люди.

С улыбкой на устах Несауа быстро прошел вперед, догоняя своих... Потом так же быстро вернулся – караван еще не успел миновать перевал:

– Я сказал им. Они благодарят тебя, вождь. Трое парней – Тесомок, Каушколаушки, Куаштлак. Они могут сейчас идти?

– Да. Пока не стемнело.

Караван насчитывал человек с полсотни: купцы, приказчики, носильщики, а также, вдобавок к ним, художники и писцы, старшим над которыми как раз и считался Куатемок, пышно именовавшийся «летописцем Белого Тескатлипоки», как иногда называли Кецалькоатля. Все семеро воинов принца также проходили по ведомству писцов, кроме того, в художниках значился юный Сиуатетепек и некая девушка Тескаль – «растирательница красок».

– Она красавица, – как-то, еще в самом начале, одобрительно прищелкнул пальцами добродушный Иштлак. И тут же скривился: – Но уж больно тощая! Скажу прямо, уважаемый летописец, в случае чего такую сложно будет принести в жертву – боги могут и обидеться.

– Ничего, – цинично ухмыльнулся принц. – Зато она знает толк в искусстве обращения с людьми.

– Я почему-то именно так и подумал!

Купец расхохотался, похлопал юношу по плечу и больше уже не докучал расспросами, разве что вечерами, на привалах, любил послушать всякие рассказы о древних правителях и богах. О, Куатемок много чего порассказывал ему о великом платоани Асотле!

Для привала выбрали местечко на берегу ручья, сразу за горным кряжем. Вьючных животных не было; не нужно было кого-то поить, кормить, пасти – все заботились о себе сами. Пока еще не стемнело, разложили костры, успев наловить в ручье рыбы. Из своих припасов варили бобы и кукурузную кашу-атолли, обильно сдабривая все красным и желтым перцем.

Кто-то из купцов даже угостил Куатемока куском жаренной на углях утки – по пути многие торговцы охотились, насколько позволяло время.

– Хорошая утка, – прожевав, похвалил принц. – Вкусная.

– О, я знаю толк в готовке! – рассмеялся купец. – Ведь моя вторая жена родом из Тепейака, а там любят вкусно поесть.

– А где ж не любят? – Куатемок улыбнулся, увидев, как купец пристально посмотрел на уходящих тлашкаланцев, и тут же пояснил: – Я послал своих слуг поискать охру... Здесь бывает...

– Найдут! – уверенно отозвался собеседник. – Правильно – пускай, пока не стемнело, хоть кто-то займется делом.

Он был хорош собой, этот торговец с приветливым лицом и большими, чуть навыкате глазами и оказался веселым собеседником... И собутельником, что – тсс!!! – выяснилось чуть позже, когда все уже улеглись.

Вот тогда он и объявился снова у лагеря «художников и летописцев». Пришел не один – его сопровождал Несауа.

Куатемок как раз собирался спать – уже закутался, укрылся циновкой...

– Не помешал?

– О боги, Некок, это ты?

– Да, вот решил тебя навестить... Помнишь, ты говорил, что не прочь бы выпить?

Последнюю фразу Некок – так звали этого навязчивого купца – произнес заговорщическим шепотом и даже подмигнул, что было хорошо видно в мягком свете луны.

– Я говорил?!

– Ну да. А то кто же? Слушай, твой слуга, что, вообще никогда не спит?

– Несауа? Нет... просто он очень ответственный.

– Едва не треснул меня дубиной! – пожаловался Некок. – Ух, вражина!

– Этот купец пробирался к тебе незаметно, словно койот к добыче, – не глядя на торговца, пояснил Несауа. – Вот я и подумал, что враг. С чего б так таиться?

– «С чего б»? – сварливо передразнил купчина. – Видать, ты, парень, из дальней деревни...

– Теперь вижу, что был не прав. – Несауа улыбнулся. – Так я могу идти, господин?

– Да-да. – Куатемок ласково потрепал юношу по плечу. – Иди, мой верный страж, занимайся своим делом.

– Эх ты его! – с удобством располагаясь на циновке, хохотнул торговец.

За спиной его висел небольшой плетеный короб, в который художники обычно складывают краски, а ремесленники – свои инструменты.

– А я тебя не сразу признал, – сняв короб, негромко произнес Некок. – Все поначалу гадал: ты, не ты... Не подходил даже. Вот, сегодня только решился – предложил как бы в шутку выпить... И сразу понял: ты! Догадался по твоим глазам. Помнишь храм Тласольтеотль? Ну, тот, в Ацтакалько?

– Храм богини плотских грехов? – с волнением произнес юноша.

Ха! Еще бы не помнить. Только... Только это все осталось в той, другой жизни, когда он еще был Асотлем и не был тлатоани...

Хм, странно. Купец его явно путает с кем-то другим... или вводит в заблуждение намеренно. Тогда зачем ему это надо?

– Ацтакалько... Квартал цапель.

– Ну да, ну да, западный квартал... Наконец-то ты вспомнил!

Молодой купец радостно ткнул юношу в бок:

– Х-ха! Наконец-то! Ну, давай хоть обнимемся, что ли?

– Д-давай...

Обнялись. Похлопали друг дружку по спинам. Снова уселись. В темном небе ярко светила луна, отбрасывая от валявшихся повсюду камней размытые черные тени. Порывы холодного ветра со скрипом раскачивали пахучие ветви сосен.

Вообще здесь было хорошо – этаким горный оазис, курорт... Вот только холодновато. Да и ситуация, мягко говоря, странная. Чего этому купчине все-таки надобно?

– Давно хотел с тобой познакомиться... Правда, не думал, что ты писец... Ты ж всем говорил, что служишь у ювелира. Теперь понимаю: таился. Да мы все там таились... Ну! Вижу, вижу, давно уж у тебя заблестели глаза... Вот!

С торжествующим видом торговец раскрыл свой короб, вытащив оттуда... большую, тускло блеснувшую серебром флягу и две базальтовые плоскости. Вытащил и торопливо разлил:

– Ну, наконец-то... Уж не сомневайся, дружище, сейчас мы с тобой утолим жажду!

Куатемок едва сдерживал смех. Ну конечно – с кем еще его и спутать, как не с пьяницей? Да, действительно, он поддержал разговор о вине, случайную фразу, оказавшуюся вовсе не случайной. Наверное, он и в самом деле был похож на какого-то ювелира, завсегдатая злочных мест.

Теперь понятна радость Некока – пьяницы, к которым отношение в Теночтитлане было, мягко говоря, не самое терпимое. Нет, разрешалось иногда чуть-чуть, по большим храмовым праздникам, взрослым мужчинам и старикам – старикам, тем даже побольше. Но именно что иногда и очень немного. Вино – «октли» – по сути, бражка из агавы и ягод, но, если хорошая, цепляла неплохо.

Эта была хороша! Очень даже хороша!

– Ммм!

– Что? Понравилось? Я так и знал. Ну, ставь чашку.

А он смелый парень, это купец! По законам ацтеков – и не только ацтеков – пьянство каралось немедленной смертью. Только крестьянам дозволялось остаться в живых... до вто-

рого случая. Что же касается всех остальных – ремесленников, почтека, свободных художников, даже знати-пилли, – смерть! Только смерть!

Опасное это было занятие – бражничать. Опасное и оттого очень и очень притягательное!

Куатемок-Асотль-Перепелкин невольно вспомнил детство – портвейн в песочнице детской площадки, картонный стакан на шестерых, торопливый глоток... ириска... И ощущение чего-то такого... что недоступно простым смертным – всяким там отличникам-комсомольцам... хотя, что уж говорить, и они...

Вот как сейчас!

– Кто это там у тебя ходит, дружище Куа?

«Куа» – именно так и назвался Куатемок, опять же простенько и со вкусом.

– Где?

– Да вон там, за камнем. – Некок показал где.

Собутыльники насторожились: все же они сейчас занимались не очень-то хорошим делом, в глазах законопослушных обывателей – так и вовсе страшным, примерно как принимать наркоту. Кстати, наркотики здесь тоже употребляли, даже, пожалуй, куда как чаще бражки: черный древесный гриб и известный многим по книгам Карлоса Кастанеды кактус-пейотль. Правда, делали это в основном жрецы... Но этих жрецов было много, очень много...

Принц вытянул шею:

– Где, ты говоришь, ходят?

– Да вон же, за камнем! Вон-вон... Ха, девчонка! – всмотревшись, облегченно выдохнул купец. – Наверное, пописать пошла – куда же еще-то? Кстати, хорошая у тебя девчонка, дружище Куа! Я давно заметил, только вот слишком уж тощая. Спишь с ней? Тогда правильно, что взял. Ну, давай-ка еще выпьем.

Куатемок и не заметил, как потеплело, нет, не на улице – на сердце, в душе. Славный парень этот Некок... нет, в самом деле славный. Бражки вот принес. Молодец.

– Кстати, у белых людей, ну, к кому мы идем, тоже есть вино, – заглотив очередную чашку, шепотом поведал торговец. – Я пробовал – кислое.

– Так, может, у них и хорошее есть.

– Может... Придем – спросим. Дадут!

– Слышь, дружище... А ты этих белых прямо вот так, как меня, видел?

– Ну да. – Некок хохотнул. – Прямо вот как тебя. В точности!

– И какие они? Страшные?

– Страшные? – Торговец почесал затылок. – Да не сказал бы. Да, есть там и со светлыми волосами, и даже с красными. Но кожа их не намного светлее нашей и, знаешь, темнеет на солнце. Обычай у них интересные – вино пить не запрещено, наоборот даже. А бог у них один, не как у нас – много. Бог креста. Зовут – Ишуатль Хриштопильцин. Они говорят: очень хороший бог, во всем им помогает и не требует никаких жертв. Только молитвы.

– Так это ведь неплохо.

– Вот и я говорю: странно. Ну что, еще по одной? Долью уж до конца, ладно?

– Давай. Чувствую – уж долго ты терпел, дружище!

Снова выпили. Посидели. Посмотрели на луну. Некок предложил было закурить, да лень было ворошить в костре угли.

Кстати, вернулась ли на свое место Тескаль?

– У меня там есть один другю. ну, у белых, – немного помолчав, похвастал торговец. – Зовут Бернатль. Бернатль Диас. Смешное имечко, правда?

– Да уж, забавное. А кто он?

– Обычный воин. Правда, хорошего рода и очень любознательный. Все выпрашивал меня о наших обычаях – как живем, что едим, как знакомимся с девушками.

– А про наших богов не выспрашивал?

– Не. Они про наших богов уже знают. И отзываются очень даже нехорошо. Прямо так и говорят: кровожадные. Как будто наши боги – Тескатлипока, Уицилопочтли, Тлалок – кровожадные!

– Да уж, да уж. – Куатемок едва сдержал горькую усмешку. – Какие ж они кровожадные? Наоборот совсем... Кровь ведь нужна им не для себя, а для того чтобы не остановилось солнце.

– Ну, это нам с тобой ясно. – Купец убрал опустевшую флягу в короб. – А они, вишь, не понимают.

– Так, может, не хотят понять?

– Может, и так, – согласился торговец. – Я, знаешь, не силен в таких спорах. Вот если там чего продать, обменять – это другое дело.

– А ты видел их главного? Правда, что он похож на Кецалькоатля? Или даже – сам Кецалькоатль, как говорят жрецы?

Некок неожиданно рассмеялся:

– Не знаю, что там говорят жрецы, но на божество белый касик нисколечко не похож. Обычный мужчина.

– А как вы общались?

– Я немного знаю язык южных племен. А там есть один белый, Херонитль его имя, так он провел много лет в рабстве у одного южного касика, пока его не освободили эшпаньютль.

– Кто?

– Эшпаньютль. Так себя называют белые люди.

Собутыльники и не заметили, что засиделись далеко за полночь. Да что там за полночь – на западе, за горами, уже занималась заря, а над головой резко светлело небо. Полная луна, словно вдруг застыдившаяся жрица продажной любви, вдруг вспомнила, что нехорошо этак вот бесстыдно маячить на виду у всех. Побледнела, спала с лица, потихоньку закатываясь за скалу и уступая место сонному солнцу, которое уже очень скоро должно было показаться.

Некок вскоре ушел, чуть пошатываясь, и молодой принц остался расслабленно сидеть, привалившись спиной к смолистому стволу сосны. Сидел, наслаждался звуками пробуждающейся природы и думал. Все-таки он хорошо провел эту ночь. Нашел себе приятеля... и много чего узнал.

– Господин! – Взволнованный голос Несау вывел принца из полузабытья. – Там, внизу, я слышал какой-то крик. Кажется, женский. Прикажешь разбудить всех?

– Нет. Сначала мы посмотрим вдвоем.

Следом за молодым воином Куатемок спустился к ручью по узкой, вьющейся меж деревьями и камнями тропе.

– Кричали оттуда. – Обернувшись, Несау показал рукой.

Куатемок крепче сжал в руке дубину:

– Идем.

От ручья стелился туман, легкий, невесомый, почти прозрачный, он охлаждал ноги и не давал в подробностях рассмотреть то, что было там, впереди, куда показывал Несау, все расплывалось в дымке – камни, деревья, кусты...

Чу! Что-то шевельнулось в кустах...

Несау схватил дротик...

– Тескаль! Ты как здесь, Зеркальце?

Вот уж кого Куатемок никак не ожидал увидеть. Хотя... да, Зеркальце поднималась ночью... Но ведь не писала же до утра! Или... может, живот схватило?

– Я встала... искупаться, люблю с утра... – Девушка вся дрожала. – Спустилась к ручью, а там... там...

– Да что там-то?

Уже не слушая Тескаль, они рванулись разом, Куатемок и Несауа... и обнаружили за камнями, в зарослях папоротников, лежащее ничком тело.

Молодой парень, юноша, подросток...

– А ну-ка перевернем... О боги! Мертв!

Слева, в боку, под сердцем, зияла рана... ударили копьем... или обсидиановым ножом. Хороший удар... профессиональный...

– Каушколаушки... – с горечью произнес Несауа. – Один из наших.

Куатемок это и сам уже видел. Убитый оказался одним из тех троих молодых тлашкаланцев, что были отпущены навестить своих. Каушколаушки... странная смерть.

– Кто бы мог это сделать? Тескаль, не дрожи! Что ты видела?

– Вот его... Вот этого мертвого и видела. Испугалась – думала, сейчас и меня...

– Чего испугалась? Что, было чего бояться?

– Там кусты... они так странно дрожали.

Девушка показала рукой – где.

– Я посмотрю! – Несауа бросился в указанном направлении... за ним и Куатемок, мало ли там что может случиться?

Густые деревья склонялись прямо к ручью – ивы, ракиты, орешник. Внизу, меж стволами, росли колючие кусты и папоротники... И никого!

Впрочем...

Куатемок прислушался и в три прыжка нагнал затаившегося за большим валуном тлашкаланца:

– Там, в орешнике...

– Я вижу...

Обменявшись репликами, оба застыли в ожидании. Несауа приготовил метательное копье, Куатемок крепче сжал дубину. Он бы, конечно, предпочел макуавитль, но зачем меч чиновному бюрократу-писарю?

Крона орешника шевельнулась, не очень сильно, чуть-чуть... а вот дернулся папоротник... Кто-то шел! Нет, даже не шел – пробирался. И очень быстро! Вот он выскочил прямо у камня... Дубиной его в башку!

– Стой, вождь! Это же...

Тьфу ты, черт! Чуть не угробил, а ведь так хорошо примерился. Как раз бы угодил между глаз... Своему собственному охраннику – Тесомоку.

– Где Куаштлак? – поднявшись из-за камня, строго поинтересовался Несауа.

– Идет сзади. – Увидев своего командира, молодой воин улыбнулся – очень молодой! мальчик! – и не удержался, похвастался: – Я видел свою родню. Рассказал им... только про себя, конечно. Ведь это не зазорно – служить храброму и могучему вождю.

– Конечно, не зазорно, парень! Ага... кто это там топчет, словно беременный пекари? Куаштлак, не иначе... Да, он. Эй, эй, Куаштлак – мы здесь, не проходи мимо.

– А я и не прохожу. – Юноша улыбнулся. – Давно уже вас приметил. Болтаете на весь лес! Я потому и не таился, шел, как пекари...

– Хм, пекари... Пошли. Взглянете на своего друга, братцы...

– Его убили ножом, – еще раз внимательно осмотрев тело, авторитетно заявил Несауа. – И бил – жрец. Посмотрите, как поставлен удар – все для того, чтобы удобнее выхватить сердце.

– Жрец? Откуда здесь жрецы, в этих диких и безлюдных горах? – Куатемок обнимал за плечи всхлипывающую Тескаль. – Да не реви ты! Чего уж теперь?

– Страшно...

Страшно ей...

Убили охранника! Теперь вот думай что хочешь. Кто? Зачем? Почему? Разбойники? Какая-нибудь бродячая шайка? Очень может быть. Только что они забыли в этих безлюдных местах? Ха! Так, наверное, их привлек караван – следовало быть осторожными.

– Его надо похоронить, – тихо заметил Несауа. – И похоронить достойно.

– Конечно, похороним, – тут же уверил принц. – А вообще-то, хорошо бы найти убийцу... Не нравятся мне такие странные смерти, не нравятся!

Несауа только хмыкнул:

– А кому нравятся?

Погибшего парня похоронили в земле, забросав могилу камнями, хотя многие тлашкаланцы предпочитали сжигать своих покойников, но в родном селении Каушколаушки так не поступали, а потому все приличия были соблюдены – и это было куда важнее, нежели отомстить убийце. Отомстить можно и после, главное – отыскать кому.

– Отыщем, – в один голос заверили Тесомок с Кауштлаком. – Разреши заглянуть по пути на маисовое поле, господин? Предупредим своих... Они скажут охотникам. От наших охотников еще никто не уходил!

– Да будет так, – с грустью махнул рукой принц. – Все-таки жаль погибшего... Это был хороший воин.

– Он и умер как воин, – улыбнулся Несауа. – Чего жалеть? Нам всем бы такую смерть, верно, парни?!

Парни – все пятеро – разом кивнули. Шестым был Несауа, седьмой лежал сейчас под камнями в могиле.

Славная смерть. Смерть от ножа. От раны. Славная. И – странная. Кто же это мог быть? Разбойники ли?

– Может, и они, – подумав, согласился Некок. – Очень даже запросто.

– Но здесь же безлюдье! А не за нашим ли караваном они следят?

– Не думаю. – Купец покачал головой, и с ним тотчас же согласился и подошедший староста караванщиков Иштлак. – Здесь просто не может быть никаких крупных шаек – не прокормиться. Тотонаки тоже не забредают так далеко. Да, они враги нам, ацтекам, но и тлашкаланцам тоже. Так что вряд ли это тотонаки, скорее просто какие-нибудь беглецы, желающие поживиться. Как вороны – схватить и поскорей убежать. Этот парень, твой слуга, просто случайно увидел их... за что и поплатился. Увы! Одно радует – умер он славно.

Куатемок усмехнулся:

– Вот уж это – да. И все же, я полагаю, нам всем следует быть куда более осторожными. Этак, по одному, они могут перебить всех.

Оба купца засмеялись:

– Ну уж это – вряд ли!

Хорошие попались попутчики Куатемоку. Веселые. А и правда – чего грустить-то? Шли хорошо, быстро, уже завтра к вечеру должна была показаться Халапа, а оттуда до Семпоалы – рукой подать. А Семпоала – это уже совсем рядом от белых. От белых богов? Посланцев Кецалькоатля, вернувшихся отомстить за своего изгнанного когда-то бога? А не сам ли Кецалькоатль с ними?

Пугая потихоньку отбивавшийся от кровавых обрядов народ, именно так и говорили жрецы. Сволочи – и это еще мягко сказано!

Глава 5. Зовите меня просто...

Начало XVI в. Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус

В шестнадцать лет он был уже взрослым мужчиной, и совсем не из мягкосердечных людей...

Франсуа Мориак. «Клубок змей»

Конкистадоры оказались такими, какими их Куатемок и представлял: бородатые, грязные, в смешных узких панталонах с широкими разрезными буфами и потертых камзолах. На болотистом берегу, словно нельзя было найти более подходящее место, испанцы – точнее, работавшие на них индейцы, присланные местным касиком, – строили крепость, закладывая основу города, который назвали Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус – «Богатый город Истинного Креста».

Был ли крест истинным – вопрос спорный, но о богатстве речи пока не шло, самыми богатыми были, конечно, дары Моктекусомы.

Едва передохнув, почтека принялись расстилать на сухом месте циновки, которые покрыли длинными хлопчатыми покрывалами, а уже сверху выложили подарки, и в первую очередь – большой сияющий золотой диск с изображением солнца и многочисленными рисунками самой искусной работы.

Диск этот вызвал такое восхищение испанцев, какого многим ацтекам до сих пор и не приходилось видеть. Ну, подумаешь, золото... золото и золото – чего в нем такого? Впрочем, для конкистадоров золото означало все – независимость, власть, богатство. Собственно, именно за этим они сюда и явились.

Кроме вызвавшего всеобщее восхищение солнечного диска, был подарен еще и серебряный, изображавший луну, а кроме того – целый шлем золотого песка, фигурки из золота, золотые и серебряные гребни, головные уборы из драгоценных перьев кецаля, тюки прекрасных тканей из тончайшего хлопка, да много-много всякого разного, от чего у конкистадоров загорелись глаза, да так и сияли – алчностью, серебром, золотом.

Подарки очень понравились, и сам касик Кортес – приятный лицом мужчина (кабальеро, как называли его эшпаньотль) – настойчиво упрасивал Иштлака о встрече с Моктекусомой... О, конкистадорам нужно было попасть в Теночтитлан, который они, со слов живших здесь тотонаков, называли Мехико – «город мешиков»; этот город, столица сказочного Эльдорадо, манил их своим нестерпимым золотым блеском, заставляя алчно чесаться руки и наливаясь кровью глаза.

Иштлак, как и положено, на все заманчивые предложения относительно встречи Кортеса с тлатоани отвечал твердым отказом. Куатемок на протяжении всей беседы скромненько стоял в стороне, чутко прислушиваясь. Впрочем, и не только он один – уж больно интересно шел разговор: очень красивая девушка, индеанка, как понял принц, подружка Кортеса, переводила с языка ацтеков науатль на наречие южных племен майя, а уже с их языка на испанский толмачил некий изможденный, заросший кудлатой бородой субъект, тот самый Херонитль, о котором уже говорил Некок, по-настоящему – Херонимо Агилар, так его звали.

Кортес и все его вожди – «капитаны» – живо интересовались образом жизни ацтеков и их правителем, а еще больше – золотыми приисками и крепостными стенами Теночтитлана, куда – это было хорошо видно – им не терпелось поскорее попасть. Для чего? Это тоже было совершенно ясно. Напасть! Захватить! Разграбить! Об этом не говорили, но все читалось в глазах.

Ушлый Иштлак умело затягивал переговоры, что-то рассказывал о тотонаках и тлашкаланцах, потом попросил разрешения зарисовать весь быт пришельцев. Такое разрешение Кор-

тес милостиво дал и даже приказал одному из своих капитанов – чрезвычайно красивому и приветливому молодому человеку по имени Педро Альварадо – устроить показательные скачки и артиллерийский бой.

Ах как неслись закованные в металлические латы всадники! Хрипели лошади, развевались на сверкающих шлемах страусиные перья, комья грязи летели из-под копыт прямо в лица изумленных зрителей. В глазах индейцев Куатемок заметил ужас – уж больно странными казались им эти существа – лошади.

Да, пожалуй, именно кавалерия произвела самое неизгладимое впечатление на всех посланцев, куда большее, чем артиллерийская пальба, стрельба из аркебуз и даже корабли, большие и малые. С собранными парусами, они покачивались на волнах на рейде нового города. Огромные, словно скалы!

– Вот это каноэ! – раскрыв рот, восхищенно произнес Сиуатетепек. – Интересно, сколько людей в них поместится?

– Думаю, что там не только люди, но и лошади – вот эти странные звери, и пу... те устройства, что мечут молнии, – быстро пояснил Куатемок.

И, усмехнувшись, посоветовал приятелю закрыть рот и быстренько зарисовать все.

– О, да, да, – спохватился тот. – Ты видишь – я это и делаю. Вот краски, вот... Только можно я буду рисовать не странных зверей и не молнии, а вот их... – Парнишка кивнул на корабли. – Очень уж красивые! Как мечта.

Куатемок только вздохнул да хлопнул юношу по плечу:

– Рисуй, рисуй, мечтатель.

О, вот когда Куатемок-Перепелкин-Асотль пожалел, что не знал испанского. Да, он неплохо говорил по-французски, хуже – по-английски, по-немецки и фински мог сказать пару фраз, а вот испанского не знал вообще. Увы!

А нужно было обязательно научиться!

Кстати, присланные по совету хитроумных жрецов костюмы – Тескатлипоки и Кецалькоатля – не произвели на Кортеса особого впечатления, и ни один из них надевать он не стал – с чего бы? Куатемоку это было ясно с самого начала, а вот Иштлак остался в задумчивости: что доложить тлатоани?

Испанцы – их было довольно много, человек триста, может, и больше, и это только тех, кто шлялся меж рядов с подарками, меча алчные взгляды, – вели себя довольно непринужденно: смеялись, что-то пытались спрашивать, в основном, конечно же, использовали жесты.

Одного из них, судя по шрамам, бывалого рубаку, с тяжелой шпагой – скорее даже узким мечом в потертых бархатных ножнах – сильно заинтересовало метательное копьё Несауа. Испанец протянул руку, потрогал. Потом притащил аркебуз – тяжелое ружье с фитильным замком, довольно надежное уже в это время.

Тлашкаланец уважительно погладил ствол аркебузы, что-то спросил. Конкистадор улыбнулся, показал жестом: бах, бах!

– Бах! Бах! – под хохот испанцев повторил Несауа и что-то сказал...

– Он хочет попробовать выстрелить, – через Малинче, или донью Марину, – так звали подружку Кортеса, пользующуюся, судя по всему, нешуточным уважением, – перевел Херонимо Агилар. – Дайте ему, Франческо. Только сперва покажите – как.

Конкистадор показал – и все заинтересованно смотрели, даже Куатемок и оторвавшийся на миг от своих кораблей Сиуа.

– Вот это – порох... – переводил Агилар, за неимением индийских понятий вставляя испанские. – Вот – мера. Вот – пыж. Отмеряем, забиваем. Теперь – другой порох... затравочный. Видишь, какой нежный? Насыпаем его сюда, на полочку, поджигаем фитиль, хотя он и так тлеет... Взводим курок – это вот такая штука, видишь, которая держит фитиль... Теперь

ставим аркебуз на рогатку, иначе не удержишь, тяжел больно... прицеливаемся, тянем за вот этот крючок, и... Бах!

Индейцы в страхе зажали руками уши. Метким выстрелом конкистадор – действительно умелец в своем деле – сбил с ближайшей сосны верхушку.

Несауа восхищенно присвистнул: вот это да!

Один из капитанов, подойдя на звук выстрела, что-то сказал Франческо, и тот, быстро отобрав аркебуз у тлашкаланца, ушел. Все правильно – не стоило разрушать легенду о богах, мечущих громы и молнии.

Вскоре Кортес через донью Марину и Агилара предложил всем отдохнуть, а наиболее «знатных кабельеро» – так он выразился – пригласил к себе, в недавно выстроенный дом, больше напоминавший сарай или какой-нибудь склад.

Куатемок, конечно же, тоже попал в разряд «кабельеро», как «начальник писцов», и присутствовал на обеде, данном предводителем конкистадоров в честь посланцев великого Моктекусомы.

За столом рядом с Куатемоком оказался благообразный монах, худощавый, с загорелым лицом и серыми внимательными глазами, его звали патер Ольмедо. В течение всего обеда патер пытался разговаривать с принцем, конечно же безуспешно... Увы.

На столе было много вина, и, пользуясь случаем, Куатемок не отказывал себе в удовольствии, тем более что вино оказалось весьма неплохим на вкус. Неплохим...

Как задержаться здесь? Как выполнить приказ тлатоани? Вот мысли, которые терзали принца всю ночь, не давая заснуть. Ворочаясь на циновке, молодой человек чувствовал тепло сладко спящей Тескаль. Зачем он взял ее? Чтобы подвергнуть опасностям? Нет, не нужно было брать, хоть и просилась. Скорей, скорей отправить их всех обратно – Зеркальце, Сиуа и всех прочих. И воинов-тлашкаланцев. О, этих особо – для связи.

Встав, Куатемок погладил по спине спящую девушку и, заглянув под соседний полог (индейцы спали на улице), негромко позвал:

– Эй!

– Я здесь, господин! – словно из-под земли вырос из ночной тьмы вооруженный коротким копьем воин.

– Ты кто?

– Куаштлак, господин.

– Разбуди старшего. Пусть придет сейчас к старой сосне... К той, в которую стреляли.

И все пусть придут.

– Я понял.

Усевшись у сосны, Куатемок смотрел на ночное небо, полное сверкающих звезд. У причала, у строящихся городских ворот Вера-Круса, ярко горели факелы, и было хорошо слышно, как перекликаются часовые. В море угадывались черные тени судов. Сила!

Ничего... У тлатоани сила куда большая. Вот только что противопоставить коварству и хитрости белых людей?

Только свое коварство и хитрость.

– Мы пришли, господин.

О, молодцы, явились незаметно. Куатемок улыбнулся:

– Хорошо. Теперь слушайте и запоминайте. Скоро караван вернется обратно. Я же – останусь здесь. Не возражайте – это приказ великого тлатоани. Теперь я доверил эту тайну вам. Эшапаньотль обязательно пойдут к Теночтилану, как бы тому ни противился тлатоани. Их довольно много, плюс союзные племена – это сильно замедлит движение. Вы же – быстроногие вестники – будете ждать меня: двое – в Халапе, еще двое – у города Хонакотлан и двое – в

Тлашкале, ибо белые люди, несомненно, туда явятся. Каждый из вас должен быть хитрым, терпеливым и быстрым – вы такие и есть, и я уверен в вас.

– Клянусь Коатликуэ, мы выполним все, господин! – с чувством отозвался Несауа. – Можешь на нас положиться.

– Не сомневаюсь. – Принц положил руку на плечо воина. – Извини, брат, что не предупредил вас раньше. Все нужно знать по мере надобности. Поверьте, так лучше... и безопасней. Это странное убийство. Я не верю в разбойников. Среди караванщиков наверняка есть соглядатай и не один. Будьте осторожны на обратном пути... Ваше исчезновение не должно вызывать подозрений. Итак, вы запомнили?

– Да, господин. – Несауа ответил за всех, поистине, это был благородный и славный малый. – Двое – в Халапе, у тотонаков, двое – в Хонакотлане и двое в Тлашкале. Не беспокойся, мы отыщем тебя и в точности передадим твои слова великому тлатоани Моктекусоме.

– Я верю в вас, и хочу попросить ничему не удивляться. Эшпаньотль – хищные и алчные люди, способные в пух и прах разнести все наши города. Они очень сильны, они хитры и коварны, нельзя верить ни одному их слову. К тому же Кортес пользуется нашей рознью. Тлашкаланцы, тотонаки, миштеки, колуа – все друг другу враги и враги ацтеков. Увы, мой народ принес другим немало зла! Верьте, я бы хотел изменить это... Нет! Не «хотел бы», а изменю! Чтобы Теночтитлан, Тлашкала, Халапа да та же Семпоала стали бы городами-братьями. Чтобы такие воины, как вы, чтобы все честные люди – торговцы, ремесленники, масеуалли – чувствовали себя в Тлашкале так же хорошо, как в Теночтитлане. Чтобы никогда, слышите, никогда не было больше кровавых жертв!

– Но, господин...

– Именно так! Многие сейчас забыли, но великий Кецалькоатль говорил: богам не нужно человеческих сердец и крови, вполне достаточно цветов. Только цветов!

– Но жрецы...

– Тем хуже для жрецов! Вы видели бога белых? Бога Креста. Не есть ли это ипостась Кецалькоатля? Да, близится новая эра, эра Кецалькоатля, верно говорят жрецы. Только в одном они лгут – великий Кецалькоатль пришел не для гибели и мести, о, нет – он явился для новой жизни. Для нового мира без кровавых жертв, боли и страха. Да-да, именно так! Одного я боюсь – не явился ли он слишком поздно?

– Ты не очень понятно говоришь, господин, – шепотом заметил Несауа. – Но в твоих словах много мудрости... И так же много ужасного. Как это – не верить жрецам?

– Есть жрецы... А есть боги. Великий Кецалькоатль, ипостаси которого поклоняются белые люди, – это же наш бог! И он защитит нас без всяких кровавых жертв. Жертвовать нужно собой... Сражаясь!

Поговорив с воинами, Куатемок отправился спать. Тескаль не было! Нет, вот явилась.

– Ходила к ручью умыться... Здесь так много москитов!

– Да уж, – тихонько хохотнул молодой человек. – Нашли место, где выстроить город, – настоящая болотная хмарь.

– Я так замерзла...

Дрожа, девушка прижалась к принцу всем своим жарким телом, и Куатемок гладил, сжимал ее обнаженное тело... обнаженное... так ведь и бегала к ручью – голой...

– Ах, как мне хорошо... – Зеркальце уперлась в грудь юноши твердыми сосками, и он властно притянул девчонку к себе...

А с неба смотрели звезды, и где-то далеко отражались в море горящие у ворот испанской крепости факела.

– Ах, как хорошо... Ах...

Через два дня почтека собрались в обратный путь, дабы передать великому тлатоани настойчивую просьбу Кортеса. Куатемок ходил смурной – все никак не мог придумать повода остаться, вот не приходило в голову – и все. В конце концов решил остаться просто так, безо всякого повода, потому что решил. Якобы из чистого любопытства – что, вообще-то, вполне соответствовало истине.

Пригладив растрепанные со сна волосы, принц подошел к Некоку, деловито упаковывающему в плетеные короба дорожные припасы.

– А, Куа! – обрадованно воскликнул тот. – Как спалось? Как твоя девчонка? Знаешь, видел ее вчера у Малинциль... ох, и любопытная же!

– Да, я сам ее посылал... поболтать через Херонитля. Просто интересно, откуда же она такая взялась, эта Малинче?

– Говорят, ее продали в рабство родители, еще давно, в детстве. Продали в Табаско, а уж тамошние жители в числе прочих рабынь подарили ее эшпаньотль. А тут она расцвела – сам видишь! Поговаривают, даже предводитель белых ее слушается и почитает, вот так наложницу выбрал!

– Да, великая женщина, что и говорить. – Куатемок немного помолчал, посмотрел по сторонам, на строящуюся крепость и изящные обводы стоящих на рейде судов, а уж потом продолжил: – Знаешь, а ты так и не познакомил меня с твоим другом... как его, Бернатль, да?

– Да не друг он мне, просто знакомый. – Оторвавшись от своего занятия, торговец поднял глаза. – Хороший человек, хоть и белый... А, вон как раз он идет! С воинами.

Куатемок быстро обернулся, увидев идущий прямо к ним отряд вооруженных алебардами и мечами воинов в сверкающих на солнце кирасах и открытых шлемах, напоминавших перевернутые лодки.

Во главе отряда шел молодой человек с небольшой светлой бородкой и щегольскими усиками, он был без кирасы, в черном, расшитом серебряной нитью камзоле с белым воротником и в роскошном плаще из алой блестящей ткани. Голову его покрывал задиристо заломленный на затылок берет темно-красного бархата с длинным зеленым пером, на боку болталась тяжелая шпага.

Позади, за солдатами, попевали донья Марина в темном испанском платье и с непокрытой головой, и Херонимо Агилар. Переводчики.

– А, Бернатль... – встав, улыбнулся Некок.

Подойдя ближе, отряд остановился. Выступив вперед, щеголь в алом плаще снял берет и, отвесив изящный поклон, что-то громко сказал.

– Сеньор Диас спрашивает, не ты ли будешь начальник писцов и летописец? – Красавица донья Марина внимательно смотрела на принца большими своими глазами, затененными трепетной сенью ресниц.

– Да, я и есть летописец, – поспешно поклонился Куатемок. – И хотел бы...

– Отойдем... Надо поговорить наедине.

Они продолжили беседу все у той же сосны.

– Видишь ли, дон Кортес и сеньор Диас от своего лица и лица своего владыки, великого тлатоани эшпаньотль, спрашивают тебя, летописец: не хочешь ли ты немного задержаться, чтобы больше узнать нашу жизнь, с тем чтобы в последующем описать ее подробно и правдиво?

Выслушав, молодой человек сделал вид, что задумался:

– Не знаю, что и сказать...

– А ты не спеши, подумай. И вот, обрати внимание на солдат. А там, на пригорке, пушки... Они могут враз разнести весь караван.

– Ого! – Куатемок возмущенно сверкнул глазами. – Похоже, вы берете меня в заложники!

– Именно так.

Сеньор Диас снова поклонился, галантно и вместе с тем – издевательски. Ну конечно, что для кастильского идалго какой-то там дикарь в смешном плаще из птичьих перьев?

– Ты должен постараться не вызвать подозрения у своих, – поспешно добавила донья Марина. – Сделай так, если не хочешь, чтобы они погибли.

– Что ж. – Принц опустил голову. – Коли дело обстоит так. Я скажу почтека, что остаюсь... до следующего посольства, дабы все прилежно записать.

– Ты хорошо придумал, – улыбнулась Малинче. – Только для вящего правдоподобия оставь с собой кого-нибудь из художников. Хотя бы того паренька, Сиуа – так, кажется, его имя?

– Хорошо. – Куатемок едва скрыл радость. Оставить Сиуа?! Отлично! Ясно, что они предложили самого слабого. Но хоть одна родная душа!

– Я бы хотел еще и девушку...

– Свою наложницу? – поспешно переспросила Марина, переспросила сама, щеголь Берналь тупо молчал, больше не вмешиваясь в переговоры. – Нет! Мы ей не верим. Оставь только художника, а девушек мы тебе найдем.

Все прошло довольно обыденно – никто из почтека не возмущался и ничего не сказал Куатемоку. Ну, хочет человек остаться – его дело! Лишь Некок вздохнул – терял собутыльника.

– Ничего, дружище! – со смехом обнял его принц. – Уже скоро лето – встретимся в Теночтитлане, сходим в Ацтакалько, в храм.

– Конечно, сходим, Куа! – Молодой купец тоже расхохотался. – Уж мы там устроим!

А Тескаль даже всплакнула, видать, никак не хотела покидать своего хозяина, да что тут говорить, Куатемоку тоже было жаль... Нет, вряд ли он был влюблен в эту девочку, скорее просто привык.

Уж кто радовался, так это Сиуатетепек! Уж теперь-то он нарисует много-много прекрасных картин, научится метать молнии и, может быть, даже управлять огромным каное с белыми, как вершины гор, облаками парусов.

Все когда-нибудь заканчивается, закончилось – и довольно быстро – прощание. Правда, Куатемок и Сиуа еще долго стояли, смотрели караванщикам вслед. Сиуа даже вздохнул, хотя прямо вот только что радовался.

Принц обнял его за плечи:

– Мы теперь остались вдвоем, дружище. Вдвоем, среди белых и тотонаков. Хочу предупредить: нам нужно быть очень осторожными.

– Я буду, – грустно тряхнул головой подросток. – Я не подведу тебя, вождь!

Им отвели дом со слугами и часовыми – да-да, двое солдат с алебардами встали по краям от входа. Дом, правда, был – одно название, глиняная мазанка, строительство Вера-Круса еще только начиналось, и этому городу, прежде чем стать красивым и знаменитым, пришлось не раз еще менять свое место в надежде уйти от комариных болот.

– Зачем здесь воины? – усевшись на циновку, тихо спросил юный художник. – На нас что, могут напасть?

– Думаю, они сторожат нас, – грустно усмехнулся принц. – Почему так – не знаю.

– Так надо прямо спросить! – вспыхнул юноша. – Зачем же нас сторожить, коли мы сами остались?

Куатемок неожиданно рассмеялся:

– Конечно, спросим, о друг мой! Вот выпадет случай – и спросим.

Случай выпал под вечер, когда после довольно сытного, но простого обеда – кукурузная каша-атолли, бобы и жаренная на углях индейка – прямо в хижину заявила представительная делегация в лице самого Эрнандо Кортеса и двух его капитанов, старых знакомцев – Берналя

Диаса дель Кастильо и Педро Альварадо, за свою необыкновенную красоту и приветливость прозванного тотонаками «Солнышко».

Кроме них, конечно, были и донья Марина с Херонимо Агиларом, и еще войсковой священник патер Ольмедо, человек, относящийся к пленникам – а именно так сейчас и стоило именовать обоих ацтеков – с явной симпатией и надеждой на их скорое крещение.

Войдя, Кортес поклонился первым... Поклонился Куатемоку так, как, наверное, кланяются разве что королю!

Все эти поклоны да и сама делегация сразу же насторожили принца... и, как оказалось, не зря!

– Мы знаем, что вы, сеньор, явились сюда под чужой маской. – С порога обратившись к Куатемоку, Кортес не стал играть в кошки-мышки. – Со своей же стороны мы рады приветствовать под маской писаря столь знатного и высокопоставленного кабальеро, как вы сеньор Ку-а-те-мок!

Принц вздрогнул: испанцы знали его имя! Откуда? Ну, ясно откуда... из уст предателя... имя которого отныне предстояло выяснить.

Куатемок выпрямился и глубокого вздохнул.

– Что ж, и я не менее рад приветствовать вас. Только не надо приставлять к нам воинов – разве слово знатного человека ничего не значит для вас?

– Я рад! – Как только Марина и Агилар перевели, Кортес улыбнулся мягко и приветливо. – Я рад, что мы с вами договорились. Немедленно прикажу убрать охрану и надеюсь на ваше слово, сеньор Ку-а... Кстати, а нельзя ли обращаться к вам как-нибудь по-иному? У вас такое трудное имя... трудное для испанца, я имею в виду.

– По-иному? Что ж. – Куатемок весело улыбнулся. – Тогда зовите меня просто – дон Карлос!

– Дон Карлос? – Кортес и его капитаны растерянно переглянулись. – Но так зовут нашего короля!

Принц громко хохотнул и подбоченился:

– Так и я ведь, как вам известно, лицо королевской крови!

Вместо ответа испанцы, все как один, поклонились...

Вовсе не потому, что так уж уважали пленника... просто он им был зачем-то нужен. Зачем? Догадаться нетрудно.

Глава 6. Любезный друг

Май – июнь 1519 г. Вера-Крус – Семпоала

Он следил за собой, чтобы, не дай бог, не замахать руками, не заговорить с самим собой.

Франсуа Мориак. «Поцелуй прокаженному»

19 мая 1519 года – наконец-то Куатемок знал точную дату! По календарю ацтеков сейчас стоял четвертый месяц года, сезон дождей и череда сплошных праздников – «день, когда можно есть этцалли», «праздник пиров и угощений» и все такое прочее. Приход лета – самое хорошее, сытное время, время развлечений, когда люди ходят друг к другу в гости, угощают друзей...

– И небось не забываете своих пакостных богов? – не преминул съязвить патер Ольмедо, оказавшийся изрядным насмешником.

– Именно что пакостных, – со всей серьезностью отвечал «дон Карлос». – Вам, святой отец, могу признаться: я признаю лишь одного из них, Кецалькоатля, и, как не раз уже говорил, испытываю истинное отвращение к кровавым жертвоприношениям...

– Но пока не принимаете крещение!

– Пока – да. – Куатемок улыбнулся. – Но ведь все течет, все изменяется, отец мой! Я не хочу быть тайным христианином, согласитесь, есть в этом что-то нечестное по отношению к моему народу, увы, прозябающему во мраке язычества. Думаю, настанут еще времена, когда у его святейшества папы не будет более христианнейших подданных, нежели жители Мексики, отринувшие своих кровавых богов, пакостных, как вы их совершенно верно называете, святой отец. Я хочу принять таинство крещения явно, как и подобает наследнику государства, уважаемому своими подданными.

– Вы говорите, как студент богословского факультета откуда-нибудь из Саламанки или Сорбонны, дон Карлос, – смеясь, заметил патер.

– Я бы очень хотел поучиться в сих славных местах! Или отправил бы туда кого-нибудь из своих приближенных.

Священник задумчиво покачал головой:

– Вы правильно сказали, сын мой, – всему свое время. Боюсь, что кое-кто сейчас не так поймет меня.

– Вы имеете в виду сеньора Кортеса? Так он ведь сейчас в Семпоале, и нам с ним не переговорить. Мы говорим, а другие действуют.

– Действуют? – Патер изменился в лице. – Что вы хотите этим сказать?

– То, что вы прекрасно знаете и без меня, патер.

Куатемок прекрасно знал, что патер Ольмедо лишь притворяется, что ничего не ведает о заговоре во главе с посланцем губернатора Кубы Диего Веласкеса, неким капитаном Франсиско Монтехо, на словах уверявшего Кортеса в своей преданнейшей дружбе.

Ни для кого давно не было секрета в том, что Диего Веласкес не очень-то жалуется жадного и властолюбивого Кортеса, мало того, всей душой, всем сердцем желает его сместить и поставить руководить экспедицией кого-нибудь более покладистого... и более лояльного к Святой матери Церкви.

Поглощенный блеском ацтекского золота, ушлый конкистадор хотел захватить Теночтитлан не для губернатора, не для короля, не для папы – а для себя. Но он был достаточно умен, чтобы не произносить такого вслух. А его капитаны пробалтывались – тот же Педро Альва-

радо, Солнышко, буквально бредил в мыслях захваченным для себя «царством». Для себя – не для Кортеса.

Из всех приближенных Кортеса, пожалуй, только Берналь Диас, в силу общей интеллигентности и склонности к философическому мышлению, не лелеял подобных планов, да и то потому, что являлся дальним родственником губернатору. Правда, надо отдать должное сеньору Диасу: ни в каких мятежах и заварушках, направленных против Кортеса, он не участвовал, поскольку считал себя человеком чести. И эта черта в нем очень нравилась Куатемоку.

После ухода Кортеса с войском в область тотонаков Семпоалу, в Вера-Круссе тотчас же начались брожения, о которых дон Карлос был прекрасно осведомлен из первых, так сказать, уст – со слов юного художника Сиуатетепека, которого конкистадоры звали малыш Хосинто. Хосинто расположил-таки к себе одного из опытнейших испанских кормчих, человека достойного и честного, профессионала высшей пробы Антона Аламиноса, участника многих морских походов.

Аламинос показывал любознательному пареньку, как управляться с кораблем, в общем-то на его судне подросток буквально дневал и ночевал, сменив ремесло художника на нелегкую жизнь юнги. Матросы его не стеснялись. И те, что участвовали в заговоре Монтехо, тоже.

Франсиско Монтехо – субъект напрочь мутный, палец в рот не клади, а вот поди ж ты, Кортес ему почему-то верил. Может быть, потому, что больше некому было? Ведь именно его Кортес намеревался послать в Испанию с докладом самому королю Карлу. Карлосу.

Нет, все-таки – Карлу, король Испании и Нидерландов, император Священной Римской империи, как рассказывал Берналь Диас, увы, не знал испанского языка и больше любил Фландрию и Нидерланды, нежели Кастилию, Арагон и Леон. Что, конечно, не прибавляло ему популярности среди испанских идалго, самые решительные из которых давно уже отправились в далекие заморские земли, привлеченные блеском золота и запахом быстрой наживы.

– Так вы ничего мне не скажете? – настаивал патер.

Дон Карлос развел руками:

– Ну, если бы я знал что-то конкретное... А то так, одни разговоры... которые, несомненно, уже дошли и до вас. Дойдут и до сеньора Кортеса, когда тот явится, а ведь это произойдет со дня на день. Дураки!

– Это вы о ком?

– О заговорщиках, о ком же еще-то? Да, сеньор Диего Веласкес – губернатор и, несомненно, обладает большой властью. Но он – на Кубе! А здесь вся власть – у Кортеса. На месте многих я бы хорошенько подумал, прежде чем интриговать. Пусть даже сеньор Кортес явно узурпирует власть. Но у него – сила.

– Наверное, вы в чем-то правы, – подумав, кивнул священник.

Куатемок довольноно свободно стал говорить на кастильском наречии, с удивлением открыв в себе способности к языкам. Одевался он по испанской моде – в узкие панталоны с буфами и черный, с серебряной нитью камзол, подарок Берналя Диаса, – и вообще выглядел как идалго. Даже как-то брал уроки фехтования у Солнышка, а уж тот-то слыл знатным бретером.

Нацепив шпагу – тоже подарок, на этот раз от самого Кортеса, – дон Карлос вытащил из стоявшего на скамье ларца небольшой свиток, надвинул на глаза шляпу и, дождавшись когда патер уйдет подальше, вышел на улицу, сиречь к болотным лужам.

Впрочем, город потихоньку строился – поднимались и каменные дома, и стены: на каменоломнях всю эксплуатировали местных индейцев.

Утром Куатемок увидел у причала Сиуа, тот как раз привязывал лодку.

– Хей, Хосинто! Как жизнь?

– Замечательно, дон Карлос! Сегодня узнал, как менять галсы и идти круто к ветру. Сеньор Аламинос – прекрасный учитель. Ой... А я ж как раз к тебе собрался... договаривались же сыграть в патолли.

– Испанцев учи с тобой играть, – спускаясь, хохотнул принц. – А меня, уж извини, уволь.

– А они меня научили... Хорошая игра! Карты! Там такие рисуночки... масти... и вот... Я тебя обязательно научу, вождь, и мы с тобой в паре обыграем здесь всех! А если сильно повезет, так и выиграем корабль, какую-нибудь вместительную каракку, вот хоть «Сан-Кристоробаль» – прекрасное судно!

– Ну-ну, размечтался, игрок. – Куатемок быстро забрался в лодку. – Давай-ка гребни обратно к кораблям, парень.

– А что такое?

– Гребни, гребни!

Парнишка вновь отвязал лодку и поудобнее взялся за весла:

– Я просто хотел спросить, к какому судну грести.

– К какому судну? – Дон Карлос задумался. – И правда... Знаешь, мне нужен некий сеньор Монтехо.

– А! Тогда – на «Сан-Кристоробаль».

– И, знаешь, не надо кричать на всех углах, что я хочу поговорить с этим сеньором... Впрочем, излишней таинственности тоже не нужно.

Господи! Как хорошо иметь расторопного и умного помощника! Да-а, без Сиуа пришлось бы куда как хуже...

– Чему ты улыбаешься, вождь? – перекрикивая шум волн, спросил Сиуа.

– Тебе, Хосинто! Это славно, что у меня такой друг!

– Я тоже радуюсь, повелитель!

– Что отнюдь не мешает тебе меня регулярно обыгрывать.

– Игра – на то и игра, чтобы без всяких обид. О! Уже приплыли – ну вот он, «Сан-Кристоробаль».

С казавшегося огромным судна вниз, к волнам, сбросили лестницу... Сиуа прав – прекрасный корабль! Большое океанское судно – четыре мачты, добротный такелаж, надежный румпель, компас и прочее... Для этого времени – почти что космический корабль.

– О, дон Карлос! – поклоном приветствовали вахтенные. – Позвать капитана?

– Спасибо, я сам знаю дорогу к сеньору Аламиносу. Он у себя?

– Да, в своей каюте.

Антон Аламинос, идальго и кормчий от Бога, встретил сановного гостя приветливо и любезно.

– Как ученик? – обняв Сиуа за плечи, поинтересовался дон Карлос. – Хвастает, что делает успехи.

– Не зря хвастает. – Кормчий довольно посмотрел на подростка. – Скоро станет настоящим морским волком! С удовольствием взял бы его с собой в плаванье.

– А что, скоро уходите?

– Да, в Испанию. Вотждемся возвращения войска и...

– Зайдете на Кубу? – присаживаясь на лавку, как бы между прочим поинтересовался Куатемок.

– Хотелось бы... – Капитан Аламинос была проста. – Только вот как посмотрит на это сеньор Кортес? Боюсь, что не разрешит. Вы же знаете, они с губернатором не очень... А хотелось бы. Хотелось...

– Ну что, сыграем? – подначивал капитана «юнга». – Помните, вы обещали научить? Кормчий захохотал и, буркнув: «Лучше бы парусам учился», послал вахтенного за Монтехо.

– Пара на пару играть будем.

Сеньор Франсиско Монтехо на вид был вполне добродушный малый, этакий даже флегматик, уж никак не скажешь, что интриган, однако вот поди ж ты... И кто бы мог подумать?

– Вот, смотри, юнга – эту масть собираем, ту – пропускаем, дамы, кавалеры, короли – марьяж – старшинство по мастям...

Капитан Аламинос вдруг засмеялся, поймав на себе удивленный взгляд Куатемока.

– Ваш парень научил нас курить... Вот уж дивная затея! Вообще-то мы и раньше пробовали, но его табак куда как лучше...

– Мой табак самый лучший, клянусь зубами Тескатлипоки!

– Сколько раз тебе говорить, малыш Хосе, чтоб ты не клялся своими демонами! Хочешь поклясться, так лучше скажи: «клянусь святой Анной» или «святым Хуаном» – это ведь куда лучше и приличнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.